

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СНЯТЕЛЬНЫЙ

ПАВЕЛ КОРНЕВ
СПЯЩИЙ

Annotation

Новый Вавилон — столица могущественной Второй Империи. Над городом парят дирижабли, по железным дорогам мчат паровозы, а фабричные трубы не перестают дымить ни на миг. И все же главенство науки не безоговорочно. Магия не исчезла из мира, она до сих пор растворена в крови тех, кого именуют сиятельными. Убежденным механистам непросто это принять, но не в их силах изменить устоявшийся порядок вещей.

Все грозит перемениться со смертью вдовствующей императрицы, и Леопольд Орсо, сиятельный, яснее других ощущает витающие в воздухе перемены. Его манят далекие страны, но мрачное прошлое держит смертоносным капканом. И невозможно предсказать заранее, утянет водоворот грядущих событий беспокойного сиятельного на самое дно или забросит в невообразимую высь. И останется ли куда его забрасывать вообще...

Павел Корнев

Спящий

*Сердце, закатанное в банку консервную,
Начинает биться вновь.*

Группа «Стимфония». Сердце

Любая бритва по сути своей является подобием ритуального серпа кельтских друидов в праздник обновления природы. Одно движение рукой — и кожа становится чистой, а лицо молодеет, словно вместе со сбритой щетиной отсекается груз прожитых дней.

Я оценивающе посмотрел на отражение в зеркале и кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями. Потом стряхнул пену с бритвы в тазик с теплой водой, провел лезвием по намыленной щеке, и вновь — чистая полоса.

Последнюю неделю я не утруждал себя бритьем, и потому заточенный металл словно бы убирал само время. Я молодею буквально на глазах.

Впрочем, бритву неспроста называют опасной: отвлечешься — и пореза не избежать.

Я не отвлекся. Меня отвлекли.

— Дорогой! — послышалось из спальни. — Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

Рука дрогнула, лезвие безболезненно и очень легко надрезало кожу, выступила капелька крови. Я с обреченным вздохом залепил порез кусочком бумаги и продолжил приводить себя в порядок. Затем sprыснул одеколоном ладони, похлопал по щекам и уже после этого без всякой спешки покинул ванную комнату.

— Ты что-то сказала, дорогая? — со всей возможной невозмутимостью обратился я к Лилиане, которая лежала на кровати с дамским журналом в руках.

Та оторвалась от чтения и повторила вопрос:

— Ты уже думал о дне нашей свадьбы?

— Ты в положении?

— О, Лео! — закатила подруга глаза. — Ты совсем как моя мама! Она тоже постоянно интересуется, не в положении ли я!

— И ты?..

— Нет, я не беременна! — возмущенно фыркнула Лили. — С чего вообще такие мысли?

— А с чего разговоры о свадьбе? — парировал я.

— Не хочешь взять меня в жены?

Я хотел. Да и кто в здравом уме не желал бы сочетаться законным браком с красивой и умной наследницей немалого состояния?

Впрочем, я был достаточно богат, чтобы не принимать подобные условности в расчет. Общество единственной дочери маркиза Монтегю нравилось мне без каких-либо меркантильных соображений.

Лилиана откинула с лица черный локон и напомнила о себе, теряя терпение:

— Лео!

— Хочу! — встрепенулся я. — Разумеется, хочу. Как раз задумался об этой знаменательной дате...

— Врунишка! — легко раскусила Лили мою хитрость.

— На самом деле просто залюбовался тобой.

И вот это уже было чистойшей правдой. Мы с Лилианой были вместе три месяца, а мои чувства к ней лишь крепили день ото дня.

Звучит будто фраза из любовного романа? Все так, но я действительно ее... любил? Наверное. Главное, что при виде Лилианы у меня теплело на душе, а остальное не имело значения. Кто бы что ни говорил...

Лилиана перехватила мой задумчивый взгляд и оправила пеньюар, прикрыв длинной полкой обнаженные ноги.

— Лео, не отвлекайся! — потребовала она.

Я присел на кровать рядом с ней и поцеловал.

— Лео, нет! — рассмеялась Лили, отстраняясь. — Не сейчас! Мама и так говорит, что я совсем тебя загоняла!

— Так и говорит? — изумился я, от удивления даже перестав поглаживать стройную девичью ножку.

— Ну, не мне... — смутилась Лилиана. — Папе. Я случайно услышала.

— Подслушала.

— Лео, ты уходишь от разговора!

Я поправил Лили прядь черных волос, полюбовался красотой ее классического профиля и с улыбкой признал:

— Да, я похудел. И что с того?

За лето я и в самом деле сбросил полтора десятка килограммов, но при этом к своей прежней болезненной худобе нисколько не приблизился, продолжив оставаться большим и мощным. Стал не худым, но поджарым. И наша любовная связь к этим изменениям не имела ровным счетом никакого отношения. Куда большую роль сыграл свежий воздух горного курорта, занятия с гантелями и правильное питание.

А еще я перестал быть оборотнем.

Да, фамильное проклятие оставило меня в том злополучном подвале в Монтекалиде, и порезы при бритье заживали теперь столь же медленно, как заживают они у всех остальных людей.

Честно говоря, я от такого давно отвык.

— Лео! — помахала ладонью Лилиана у меня перед лицом. — Лео, ты витаешь в облаках!

— Да, дорогая?

— Речь шла не о твоём весе, а о дате нашей свадьбы!

Я поднялся с кровати и отошел к окну. Отель «Бенджамин Франклин» был выстроен на возвышенности, и с его четвертого этажа открывался великолепный вид на историческую часть города. Точнее — открывался бы, не зятяни все кругом туманная дымка. Сентябрьская непогода и обычный для столицы смог укутали дома серым полотнищем, из которого выглядывали лишь силуэты крыш и высокие шпили дворцов.

— О дате нашей свадьбы? — задумчиво протянул я. — Тебя интересует какой-то конкретный день?

Лилиана зашуршала страницами журнала.

— Здесь пишут, герцог Логрин объявил о помолвке старшей дочери с бароном Алстоном. Бракосочетание состоится двадцатого октября, в день памяти императора Климента. Очень символическая дата, Лео, не правда ли?

Я пожал плечами.

— Меня устроит любая.

— Даже так?

— Да. Только не здесь, не в Новом Вавилоне. Завтра мы улетаем на континент, не забыла? Можем остановиться на неделю в Мадриде, а оттуда перебраться в Барселону. Как тебе такая идея?

— Идея просто замечательная! — улыбнулась Лилиана, но тут же наморщила лоб. — Подожди, Лео! Ты сказал — завтра? А у меня будет время повидаться с родителями?

— Вылет назначен на половину шестого вечера, — успокоил я ее и обернулся от окна. — А они разве еще не знают о нашем отъезде?

— Не было подходящего случая сообщить, — легкомысленно ответила Лили. — Завтра расскажем. Ты ведь поедешь со мной?

— Если это необходимо...

— Лео, не волнуйся! Папа с мамой от тебя без ума. Они не запрут меня дома!

— Очень на это надеюсь, — усмехнулся я.

— Хотя... — вздохнула Лилиана. — Ты точно не хочешь задержаться в Новом Вавилоне?

Я не хотел. В столице было проще простого случайно повстречаться с кем-нибудь из старых знакомых, а мне вовсе не хотелось вновь попасть в поле зрения Третьего департамента или хуже того — людей из окружения ее величества. И потому ответил я одним коротким безапелляционным:

— Нет!

Лилиана прекрасно расслышала проскользнувшую в моем голосе нотку раздражения и вскинула голову.

— Лео, тебя что-то беспокоит?

Я вздохнул. Давным-давно стоило посвятить Лили в некоторые тайны своего прошлого, но на это попросту не хватало духу. Я боялся. Боялся напугать, боялся оттолкнуть. И потому молчал.

Не стал я раскрывать истинных причин своего беспокойства и сейчас. Отвернулся к окну и посмотрел на серый город, затем с тяжелым вздохом произнес:

— В газетах пишут, ее величество преставится со дня на день. У ее высочества здоровье тоже не самое крепкое. Рабочие устраивают стачки. Социалисты требуют роспуска императорского совета и учреждения выборного сената. Анархисты швырнули бомбу в министра юстиции, тот лишь чудом избежал смерти. Стреляли в судью Высокого императорского суда. Закидали бутылками с керосином призывной пункт. И так — каждый день. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда, когда все полетит в тартарары.

— Как скажешь, дорогой. Как скажешь.

Я наклонился поцеловать Лилиану и предупредил:

— Вернусь часа через два.

— Я буду ждать, — вздохнула она, раскрыла журнал и вдруг поинтересовалась: — Помнишь, как мы останавливались здесь первый раз, в июне?

— Да. А что?

— Я тогда лежала в кровати и все ждала, что ты постучишься ко мне. Но так и не дождалась стука в дверь и уснула.

— Могу постучаться прямо сейчас, — с улыбкой предложил я.

— Нет! — не согласилась Лили. — Иди по своим делам. А я буду томиться в ожидании стука. Ты ведь постучишь?

— Всенепременно постучу, — пообещал я, еще раз поцеловал подругу и ушел в собственный номер, смежный с апартаментами Лилианы.

Надолго там не задержался. Только поменял сорочку на свежую, повязал шейный платок и надел пиджак. Ни зонт, ни плащ брать не стал — на улице было хоть и пасмурно, но сухо. Сезон осенних дождей еще не наступил.

Выдвинув верхний ящик секретера, я вынул из него паспорт, бумажник и «Цербер», рассовал их по карманам и направился на выход.

— Лео! — окликнула меня Лилиана.

— Да? — заглянул я в дверь смежного номера.

— Возвращайся скорее. И не забудь — мы приглашены вечером к Альберту и Елизавете-Марии!

— Не беспокойся, задерживаться не планирую, — спокойно уверил я Лилиану, хотя приглашение на ужин совсем вылетело у меня из головы.

После триумфального выступления в Монтекалиде, завершившегося обмороками и массовыми галлюцинациями, Альберт Брандт приобрел скандальную известность настоящего кудесника слова и стал желанным гостем на столичных светских раутах. Вместо возвращения в Новый Свет он снял дом где-то неподалеку от академии и готовился поставить в Императорском театре собственную пьесу.

Проигнорировать приглашение поэта было бы с моей стороны по меньшей мере невежливо — кто знает, когда доведется вернуться в Новый Вавилон? — и оставалось лишь уповать на то, что в гости к Альберту не соберется вся столичная богема.

Я взял с полки котелок и вышел в коридор. Лифтом решил не пользоваться, вместо этого направился к лестнице, размышляя, какую безделушку подарить Альберту на память.

Проходя мимо стола коридорного, я небрежным кивком поприветствовал заспанного клерка, спустился на первый этаж и направился к стойке портье, но меня опередил шустрый господин средних лет, худощавый и рыжеволосый.

— К господину Витштейну, — произнес он с явственным ирландским акцентом, а когда портье открыл журнал, представился: — Линч. Шон Линч.

Клерк отыскал фамилию в списке гостей и молча указал на лифт, потом с дежурной улыбкой обратился ко мне:

— Чем могу служить, господин Шатунов?

Я поймал себя на том, что слишком уж пристально смотрю вслед рыжеволосому ирландцу, восторженно выложил на стойку ключ от номера.

— Просто хотел оставить ключ!

— Будут какие-то пожелания?

— Нет, ничего, — покачал я головой и, нервно помахивая рукой, зашагал через вестибюль.

Прозвучавшая фамилия откровенно выбила из колеи, ведь речь точно шла об Аврааме Витштейне, вице-президенте одноименного Банкирского дома. Случайная встреча с ним в вестибюле отеля грозила легко и бесповоротно разрушить мое инкогнито.

Дьявол! Не стоило поддаваться на уговоры Лилианы и вновь останавливаться в «Бенджамине ФранкLINE»! Черт бы побрал эту сентиментальность!

Я поморщился, нервным толчком распахнул дверь и шагнул на улицу к наряженному в цветастую ливрею швейцару. В ответ на дежурную улыбку я улыбнулся ничуть не менее формально, окинул быстрым взглядом запруженную праздной публикой Императорскую

площадь и нацепил на нос темные очки.

Отвлёкся лишь на миг, но это краткое мгновение все и решило.

— Ни с места! Руки вверх! — раздалось сзади, и я замер на полушаге.

Рука сама собой метнулась к боковому карману пиджака, и мне едва удалось отдернуть ее в сторону, прежде чем открыли стрельбу обступившие со всех сторон крепкие парни в штатском. Револьверы они держали на изготовку, пальцы замерли на спусковых крючках.

А сыщик за спиной без промедления выдал новое распоряжение:

— На колени! Руки за голову!

Я заколебался, но сразу решил, что нежелание пачкать брюки о пыль брусчатки едва ли является достойной причиной испытать на себе действие электрического разрядника. Единственное, что позволил себе, — это опуститься на колени без лишней спешки, в тщетной попытке сохранить остатки собственного достоинства.

Где-то поблизости яростно рыкнул пороховой движок, и на площадь из переулка неожиданно резво выкатился неповоротливый полицейский броневик. Зеваки так и прыснули в разные стороны, а разносчик газет и вовсе едва не угодил под колеса, спеша откатить в сторону ручную тележку.

Сыщик подступил сзади, завернул мне руки за спину и, защелкнув на запястьях стальные браслеты наручников, с некоторой даже торжественностью в голосе объявил:

— Леопольд Орсо! Вы арестованы по обвинению в убийстве!

Я выдохнул беззвучное проклятие.

Прошлое все же настигло меня. И, как это обычно водится, настигло в самый неподходящий момент.

— Встаньте!

Неловко из-за скованных за спиной рук я поднялся с колен и уточнил:

— И кого же я убил?

— Об этом спросите следователя! — последовал лаконичный ответ, и меня втолкнули в темное нутро броневика.

2

Арестант — существо бесправное. С момента задержания и до прибытия в участок из правового поля он попросту выпадает, и приключиться с ним за это время может абсолютно что угодно. Вплоть до падения с моста в мутные воды Ярдена. А испытать на себе выворачивание рук, удары по почкам и удушающие захваты доводится едва ли не каждому второму задержанному.

Но не в моем случае. Набившиеся в броневик сыщики в штатском за всю поездку не задали ни единого вопроса, лишь удерживали на прицелах револьверов. Они словно опасались, что я разорву сковавшую браслеты наручников цепочку и наброшусь на них с кулаками.

Страх. Я чувствовал их страх.

Конвоиров было шестеро против одного, но они откровенно опасались меня, и это было действительно странно.

Наслышаны о моем таланте? Очень сомневаюсь...

Как бы то ни было, я не предпринял ни малейшей попытки разговорить сыщиков, дабы

прояснить детали предъявленного обвинения, и молча сидел на лавке. Просто не хотелось давать повод нервным парням понаделать во мне дырок. Знаю точно, они открыли бы стрельбу на поражение без малейших колебаний.

Пороховой движок броневика размеренно чихал, мощные колеса сглаживали неровности брусчатки, и лишь когда попадались совсем уж серьезные выбоины, меня мотало на лавке от одного конвоира к другому. А потом дневной свет померк, серость хмурого неба за решетками боковых окошек сменилась полумраком ангара, и тяжелый самоходный экипаж остановился.

Броневик привез меня в гараж полицейского управления метрополии — на жаргоне столичных уголовников это называлось «сыграть в «Ящик».

Сыщик справа отцепил крепившую наручники к полу цепочку. Сыщик слева распахнул боковую дверцу.

— На выход! — распорядился полицейский напротив.

Ох, как же вас много, ребята, на меня одного...

Но дальше стало только хуже. В просторном гараже меня дожидались вооруженные самозарядными карабинами и четырехствольными лупарами констебли. Лодыжки немедленно сковали ножными кандалами, и под брэнчание стальных звеньев я засеменял по коридору, будто особо опасный рецидивист.

Здание полицейского управления, огромное и монументальное, занимало целый квартал да еще уходило на несколько этажей под землю. Случайный человек мог блуждать по его запутанным закоулкам в поисках нужной двери часами, и среди констеблей ходило немало страшных историй о сослуживцах, которые пропали без вести, просто свернув не в тот коридор.

Честно говоря, я всерьез опасался разделить их судьбу, но не прошло и пары минут, как меня завели в небольшое помещение без окон, залитое ослепительно-резким светом электрических ламп.

Обыск много времени не занял, если это вообще можно было назвать обыском. Пришлось попросту снять всю одежду, а взамен натянуть полосатую робу арестанта. Личные вещи без досмотра убрали в холщовый мешок и запечатали сургучной печатью.

Следующая остановка случилась в фотомастерской. Там меня усадили на деревянный стул — своими многочисленными зажимами и крепежами он определенно напоминал стул электрический, — и флегматичный мастер закрепил голову в тисках, дабы сделать снимок анфас, а затем последовал снимок в профиль. После этого фотограф запечатлел все мои татуировки, а полицейский клерк снял отпечатки пальцев, вымарав кожу черной тушью и заставив приложить ладони к листу плотной желтоватой бумаги.

Последующая тягомотина с измерением роста и составлением списка особых примет заняла никак не менее часа, и стало ясно, что в отличие от прошлых задержаний сейчас все серьезно и оформление идет в полном соответствии с протоколом.

Какого дьявола?!

Но хоть меня так и потряхивало от нервного перенапряжения, приставать с расспросами к бывшим коллегам я повременил. Скоро. Скоро все прояснится само собой. И, возможно, я еще пожалею, что не остался в блаженном неведении.

Но одно было ясно уже сейчас: задержание не имело никакого отношения к моим летним неприятностям в Монтекалиде, поскольку Томас Смит добился снятия всех

обвинений в причастности к убийству бармена-индуса, а гибель супругов Тачини объявили несчастным случаем еще на стадии предварительного следствия. В заключении коронера ничего не говорилось о самоубийстве и пулевых ранениях, упоминались лишь многочисленные повреждения, полученные ими в результате обрушения перекрытий ветхого здания.

Потрясение прошло, тяжким грузом навалились страхи. Сдерживать тремор удавалось со все большим трудом, но я упрямо стиснул зубы и стал дожидаться окончания формальных процедур. Одно было ясно совершенно точно: это официальное задержание, а вовсе не произвол людей из окружения ее величества.

До меня добралась вовсе не лейб-гвардия, и это оставляло неплохие шансы на благополучный исход дела. И не важно, насколько серьезное обвинение собираются предъявить, — к богатым особое отношение. Я больше не был безденежным голодранцем, я мог позволить себе нанять самых известных столичных адвокатов. В худшем случае процесс затянется на годы, в лучшем — меня отпустят на свободу уже этим вечером.

Очень хотелось в это верить...

После фотомастерской под размеренный стук подкованных ботинок конвоиры провели меня в комнату для допросов. Там ножные кандалы прицепили к вмурованному в стену кольцу, а наручники соединили стальной цепочкой с массивным столом, чьи ножки были привинчены к полу.

Лампы под потолком светили прямо в глаза, но смотреть здесь в любом случае было не на что. Глухие стены с отсыревшей и потрескавшейся штукатуркой, пыльный пол, обшарпанная мебель. Если не брать в расчет электрическое освещение, в подобных декорациях мог проходить допрос преступника и сто, и двести лет назад.

Из общего ряда выбивалась лишь машина фонографа в дальнем углу. В камере он казался совершенно неуместным.

Какое-то время я щурился, разглядывая звукозаписывающий аппарат, затем откинулся на неудобную и жесткую спинку стула и закрыл глаза. Не стал их открывать, даже когда под скрип ржавых петель распахнулась входная дверь.

В этом попросту не было никакой нужды. Я узнал вошедшего и со смеженными веками. Слишком уж характерным оказался враз перебивший затхлую сырость камеры аромат его одеколона и тонкий запах дорогих сигарет.

— Давно не виделись, инспектор! — усмехнулся я старому знакомому.

— Старший инспектор! — поправил меня Моран, кинув на край стола со своей стороны пухлую папку с документами. — Старший инспектор, господин Орсо. Старший. Вам ли не знать разницы?

С нашей последней встречи Бастиан Моран несколько не изменился. Худое лицо по-прежнему отмечала аристократическая бледность, а напомаженные волосы, круто заломленные брови и тонкие губы придавали ему несвойственный полицейскому вид декадентствующего франта. Утонченному образу полностью соответствовали ухоженные руки, да и модный костюм и дорогая сорочка с алмазными запонками несколько не подкачали, но все решительно портили холодные серые глаза матерого душегуба.

Легавый — он легавый и есть. Это не оскорбление, это как каторжанское клеймо. Работа накладывает свой отпечаток на всех нас.

— Все готово! — объявил ассистент, вставив в фонограф новый валик.

— Начинайте запись! — скомандовал Моран.

Полицейский клерк запустил аппарат, и под тихое басовитое гудение тот принялся мелко подрагивать и едва слышно скрипеть. Свет в камере несколько раз мигнул, но, к моему величайшему разочарованию, сеть выдержала возросшую нагрузку и замыкания не произошло.

Ассистент покинул камеру, и я, прекрасно осознавая, что в протокол попадет каждое сказанное мною слово, не удержался от шпильки:

— Не прекратите хватать на улицах добропорядочных подданных ее величества, так и до понижения недалеко... старший инспектор.

Бастиан Моран изогнул крутую бровь в немом изумлении.

— Добропорядочных? — произнес он с показным удивлением в голосе. — Добропорядочный подданный ее величества в этой комнате только один, и это не вы, Леопольд Орсо. Или же вас следует называть Львом Шатуновым?

Старший инспектор достал из папки мой новый паспорт и с презрительной ухмылкой кинул его на стол. Я в ответ лишь спокойно пожал плечами.

— Как вам будет угодно, так и называйте.

Но едва ли мое спокойствие произвело на Морана хоть какое-то впечатление. Он скривил в ехидной улыбке тонкие губы и заявил:

— Добропорядочному человеку нет нужды в поддельных документах.

— Так меня только из-за этого в кандалы заковали? — звякнул я стальной цепочкой наручников. — Напомнить номер имперского уложения о национальных паспортах? Не забывайте, старший инспектор, мой дед был русским. Фамилию Орсо он взял при пожаловании дворянства...

И сейчас я нисколько не блефовал. Документы на имя Льва Борисовича Шатунова проходили по всем реестрам изначально, и впоследствии моему поверенному не составило особого труда составить и задним числом приобщить к делу официальное прошение о выдаче нового паспорта.

Обошлось это в небольшое состояние, но оно того стоило.

Не сказать, что Бастиан Моран при этих словах переменился в лице, но вид он принял на редкость озадаченный.

— Леопольд, вы отдаете себе отчет, что это заявление чрезвычайно просто проверить? — спросил старший инспектор.

— Чем раньше направите телеграмму в Петроград, тем раньше получите ответ, — спокойно ответил я. — И тем меньшую сумму вчинит мой поверенный полицейскому управлению за незаконное задержание.

Моран поднялся из-за стола и покинул камеру, но очень скоро вернулся, вероятно поручив составить запрос в Петроград ассистенту. С ходу он возобновлять расспросы не стал, вместо этого достал из кармана пачку «Честерфилда», закурил и выдохнул к потолку струю пахучего дыма.

Я демонстративно поморщился.

Старший инспектор не обратил на мою гримасу никакого внимания, стряхнул пепел прямо на пол, вновь уселся за стол и принялся листать подшитые в папку документы, словно желая освежить в памяти материалы дела. Та легкость, с которой было опровергнуто первое обвинение, оказалась для него неприятным сюрпризом.

От табачного дыма у меня начало першить в горле, но, когда Бастиан Моран потушил сигарету, я нисколько этому не обрадовался. Очень уж резким и решительным движением вдавил он окурок в край столешницы, поверхность которой и без того пестрела многочисленными пятнами.

— Итак, приступим к делу! — объявил старший инспектор. — Готовы, Леопольд?

— Всегда, — улыбнулся я в ответ, но улыбнулся криво, маскируя за иронией пробежавшую по спине колючими мурашками нервозность.

— Где вы находились семнадцатого июня этого года? — спросил старший инспектор и даже подался вперед, словно пытаясь застигнуть меня неожиданным вопросом врасплох.

И застал. Фыркнул я в ответ совершенно искренне:

— Понятия не имею. А вы сами-то помните?

— Я помню, — подтвердил Моран. — Благодаря вам о том дне у меня остались не самые приятные воспоминания. А это, учитывая мой стаж, — событие нетривиальное.

— Вы что-то путаете. Мы с вами не встречались уже больше года.

— Где вы были семнадцатого июня? — повторил старший инспектор свой странный вопрос.

Я отвел взгляд и принялся разглядывать неровную и потрескавшуюся штукатурку стен, припоминая события ушедшего лета. Июнь? Где я был в июне, семнадцатого числа?

Удивительное дело, но стоило лишь подумать об этом, и события трехмесячной давности восстановились в памяти сами собой. Не так-то просто позабыть давление охватившей шею удавки и безостановочное падение в бездну забвения.

— Нет, не помню, — покачал я головой некоторое время спустя.

— Но вы были в Новом Вавилоне в тот день?

— Вполне может статься, что и был.

— Были, — уверенно заявил Бастиан Моран и достал из папки выписку из журнала регистрации постояльцев «Бенджамина Франклина», заверенную управляющим отеля. — Вот бесспорные доказательства этого факта.

— Позвольте...

— Пожалуйста, — передвинул старший инспектор мне бумажный лист.

Рядом с подписью управляющего было проставлено сегодняшнее число, и это обстоятельство заставило надолго задуматься. Задержание враз перестало казаться апофеозом длительных розыскных мероприятий; скорее всего, все же угораздило попасться на глаза кому-то из старых знакомых.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, будто тогда еще не были Львом Шатуновым? — усмехнулся Моран, доставая из пачки новую сигарету.

— Вы слишком много курите, — предупредил я. — Это плохо для легких.

— Отвечайте на вопрос!

— В середине июня я действительно провел несколько дней в столице и действительно останавливался в «Бенджамине Франклине». Было ли это именно семнадцатого числа? Не помню, но оснований не верить выписке у меня нет. Предположим, в этот день я был в Новом Вавилоне. Что дальше?

Никак не выказывая своего удовлетворения моим ответом, старший инспектор глубоко затянулся, затем снова вдавил сигарету в столешницу и спокойно произнес:

— Отпечатки ваших пальцев были обнаружены на месте преступления.

— Да будет вам! — рассмеялся я. — Вы меня разыгрываете!

— Ничуть.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Это какое-то недоразумение.

Бастиан Моран без всякого сомнения раскусил мою игру, но, поскольку я не заперся и не отрицал своего присутствия в Новом Вавилоне, ему волей-неволей пришлось выложить на стол свой следующий козырь. Точнее, колоду козырей в виде многочисленных снимков стреляных пистолетных гильз, фотокопии карточки с отпечатками пальцев из моего досье и заключения экспертов, заверенного сразу несколькими синими печатями.

— Эти гильзы были обнаружены на месте преступления, — начал излагать свою версию старший инспектор, — и снятые с них отпечатки пальцев совпали с вашими отпечатками, хранившимися в полицейской картотеке. Заключение криминалистической экспертизы, как и сегодняшнее повторное исследование, это полностью подтверждает. И что, Леопольд, вы скажете на это?

Меня пробил пот, и сохранить невозмутимое выражение лица получилось с превеликим трудом. Да и получилось ли? Уверен, собеседник видел меня насквозь.

Желая выгадать время, я протянул руку за фотографиями, но слишком короткая цепь не позволила достать до них.

— Разрешите? — попросил я тогда старшего инспектора.

Бастиан Моран спокойно пододвинул ко мне стопку снимков и расслабленно улыбнулся.

— Никакого подвоха, Леопольд! И уверен, вы и без моих напоминаний знаете, что чистосердечное признание смягчает ответственность. Подумайте об этом. Хорошенько подумайте!

Я ничего не ответил, быстро просмотрел фотоснимки и перевел взгляд на старшего инспектора, но тот уже вернул заключения криминалистов обратно в папку, не дав возможности ознакомиться и с ними. И это было воистину странно: без экспертных заключений все эти фотографии — простой набор невнятных картинок, так почему же Моран не захотел вбить последний гвоздь в крышку моего гроба?

Я был почти уверен, что знаю ответ, и все же горло пересохло, а душу уколол острый приступ страха, зазвенело в ушах. Да, я испугался. А кто бы на моем месте сумел сохранить присутствие духа? Жизнь на каторге не сахар, и невелика разница, отправят меня заниматься заготовкой леса в заснеженной Сибири или сгноят адским трудом в не столь отдаленных каменоломнях. В любом случае едва ли получится дожить до конца срока, который назначит судья за убийство шести человек, пусть даже индусов. Будет совсем непросто доказать, что они были душителями Кали и напали на меня первыми...

Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Усилием воли я подавил панику, отвел взгляд от довольной физиономии Бастиана Морана и уставился на пятно обвалившейся штукатурки. Фонограф в углу по-прежнему размеренно гудел, поэтому я не спешил с объяснениями, тщательно подбирая правильные слова.

— Леопольд, — вздохнул Бастиан Моран, уловив охватившие меня сомнения, — буду предельно откровенен: я не до конца понимаю, что именно тогда с вами произошло. Подозреваю, это могла быть самооборона. И если вы расскажете, как все случилось, дело едва ли дойдет даже до предъявления обвинения. Возможно, вас смутили обстоятельства задержания, но мы действовали строго по протоколу. Ничего личного, вы ведь уже попадали в подобные ситуации, не так ли? — напомнил старший инспектор с примирительной

улыбкой. — Посудите сами: убитые находились под подозрением в причастности к запрещенной секте тугов, а обнаруженные на месте преступления улики не оставляют в этом ни малейших сомнений. Ни один судья не вынесет в подобных обстоятельствах обвинительный приговор...

В словах собеседника имелся определенный резон, но я слишком хорошо знал внутреннюю кухню Ньютон-Маркта, чтобы принять увещевания старшего инспектора о выгодах сотрудничества со следствием за чистую монету. Когда вас сначала старательно загоняют в угол, а потом вдруг открывают путь к спасению, каждая услужливо распахнутая следователем дверь приведет лишь в еще более тесную камеру.

И потому я предпочел не откровенничать, а соорудить удивленный вид.

— Туги? О чем вы говорите? Я не имею никакого отношения к душителям Кали!

— Леопольд! — досадливо поморщился Бастиан Моран. — Давай не будем играть в эти игры! Дело висит на мне как камень на шее. — Старший инспектор даже приложил к воротнику сорочки холеную ладонь. — И мне надо закрыть его во что бы то ни стало. Главный инспектор рвет и мечет! Помоги мне, и обещаю — уголовного преследования не будет.

— Я всегда рад оказать помощь следствию, — по-прежнему глядя мимо собеседника на пятно обвалившейся штукатурки, произнес я, тщательно подбирая слова. — Но было бы неправильно брать на себя вину за преступление, которого не совершал. Нет, я мог бы оказать вам подобную услугу, но в этом случае истинный убийца избежит наказания, а это противоречит моим принципам. Поймите это правильно, старший инспектор.

— Отпечатки пальцев! — напомнил Моран.

— А что с отпечатками пальцев?

— На гильзах с места преступления обнаружены ваши отпечатки, Леопольд. Глупо и бессмысленно отрицать это. В случае вашего отказа сотрудничать со следствием расследование затянется на долгие месяцы, и все это время вам придется пробыть под стражей. Действительно этого хотите? Лично я не горю желанием созерцать вашу кислую физиономию каждый рабочий день на протяжении года, а то и двух. Уверен, вам общение со мной тоже не доставляет особого удовольствия. Так давайте поможем друг другу. Я не требую ничего сверхъестественного. Просто расскажите, что именно тогда произошло!

Предложение старшего инспектора выбрать меньшее из двух зол совершенно точно не являлось экспромтом; именно на такое развитие событий он уповал, приказывая задержать меня и доставить в Ньютон-Маркт с соблюдением всех предписанных протоколом формальностей. Кандалы и тюремная роба должны были ясно показать, чем обернется отказ сотрудничать со следствием. Вот только излишняя откровенность еще никого до добра не доводила.

Я знал это наверняка и потому предложил:

— Давайте вернемся к отпечаткам пальцев. Насколько точны результаты экспертизы?

— Ошибка исключена!

— Ну конечно! — не удержался я от откровенной усмешки. — Это ведь обычное дело — найти на стреляной гильзе четкий след пальца! И я сейчас не говорю о воздействии пороховых газов и высокой температуры, просто гильза сама по себе... невелика, а площадь ее соприкосновения с подушечкой пальца — еще меньше. Ошибка исключена? Да бросьте!

— И тем не менее это так, — спокойно заявил в ответ Бастиан Моран. — Обнаруженные узоры папиллярных линий полностью соответствуют вашим.

— Те узоры, которые вам удалось обнаружить, старший инспектор. Насколько помню, частичные отметины криминалисты вообще отказываются принимать к рассмотрению, разве нет?

— Я настоял на дактилоскопической экспертизе, и она была проведена с соблюдением всех требований.

Я покривился.

— Не уверен, что суд примет ее результаты в расчет.

— Нет никакой необходимости доводить дело до суда.

— Хорошо! — сдался я. — Вполне допускаю, что это действительно мои отпечатки пальцев. В те дни я выбирал пистолет и обошел несколько оружейных магазинов. Пересмотрел множество моделей и, разумеется, их заряжал и разряжал. Вероятно, это и объясняет совпадение... — нет! — сходство обнаруженных отпечатков.

Высказав свою версию, я отвел взгляд от пятна обвалившейся штукатурки и посмотрел на Морана. Вид у того был как у гурмана, хлебнувшего вместо изысканного марочного вина кислый яблочный уксус.

— Хорошая попытка, — скептически улыбнулся старший инспектор. — Но позволю себе усомниться в ваших словах.

— Сомневайтесь сколько вам угодно. Вопрос в том, усомнятся ли в них присяжные. При задержании у меня изъяли «Цербер». Проверьте по журналу продаж магазина «Золотая пуля». Я купил его как раз в те дни.

— Леопольд! — хлопнул ладонью Бастиан Моран. — Достаточно лжи! Модель пистолета, из которого были произведены выстрелы, не поступала в открытую продажу! Вся партия была направлена прямиком в Новый Свет! В магазине вам дать подобный пистолет в руки попросту не могли!

— А что скажете об оружейном рынке на пятачке Архимеда? — прищурился я. — Помню, однажды во время облавы мы изъяли там крупнокалиберный «гатлинг», украденный во время ремонта с армейского дирижабля!

Старший инспектор шумно вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Теперь в его взгляде читалась откровенная ненависть. Оно и немудрено — названная мной оружейная барахолка была давнишней головной болью полиции метрополии, и если пропавшие по дороге в Новый Свет пистолеты где-то и могли всплыть, так это там.

— Значит, на рынке... — протянул Бастиан Моран некоторое время спустя. — Но лавку, где смотрели пистолет, разумеется, не помните?

— Я даже не знаю, какой именно из пистолетов вас интересует. Бродил там несколько часов.

Моран вдруг резко подался ко мне и произнес:

— Я знаю, Леопольд, что это были вы!

— Присяжные обычно с недоверием относятся к интуиции полицейских, — спокойно ответил я, хоть сердце так и дрогнуло, а на спине выступила испарина. — А вот в предубежденность полицейских к задержанным они, напротив, верят чрезвычайно легко. Вы предубежденно относитесь ко мне, старший инспектор. И теперь это зафиксировано в вашей записи.

— Вздор! — коротко выдал Бастиан Моран и в очередной раз хлопнул ладонью по столу. — Вы убили индусов. Я знаю это наверняка. И у меня достаточно улик, чтобы доказать это!

Я откинулся на спинку стула и попытался скрестить на груди руки, но этому помешала натянутая до предела цепь, которой были прикованы к столу наручники.

— Позвольте усомниться в ваших словах. Вы не впервые выдвигаете против меня ничем не обоснованные обвинения, старший инспектор. Ведь так?

Мои слова угодили точно в цель. Бастиан Моран покраснел от бешенства, но все же сдержался и не отвесил затрещину, что непременно проделал бы в подобном случае с обычным арестантом.

— Мои обвинения, Леопольд Орсо, — официальным тоном произнес он, — были обоснованны и тогда, и сейчас!

— Вы это серьезно? — опешил я. — До сих пор подозреваете меня в убийстве Левинсона?

Управляющий столичного отделения Банкирского дома Витштейна был растерзан оборотнем, и Бастиан Моран поначалу заподозрил, будто это моих рук дело. Даже железное алиби не разубедило старшего инспектора, лишь проведенный полицейским медиком анализ крови вынудил его отказаться от предъявления официального обвинения.

Да — тогда я еще не являлся полноценным оборотнем, как не был им и сейчас. И никакой анализ не сможет показать обратное. Пусть часть способностей, вроде инстинктивного уклонения от серебра, и сохранилась, но этот благородный металл больше не был способен отравить мой организм. Кровь не вступит с ним в реакцию ни при каких обстоятельствах.

Бастиан Моран поджал губы, но от прямого ответа на вопрос уходить не стал.

— Да, виконт. Я до сих пор подозреваю вас в причастности к смерти Левинсона! — заявил он после недолгого молчания.

— Но ведь именно я застрелил его убийцу! Я лично сделал это!

— На допросе оборотень мог рассказать об истинных мотивах своего преступления, а вы убили его. Очень удобно, не находите?

— Об истинных мотивах? Разве Прокруст когда-либо нуждался в мотивах?

— Бросьте, Леопольд! — отмахнулся Бастиан Моран. — Мы установили личность застреленного вами оборотня, во время нескольких преступлений Прокруста он дожидался смертной казни в Килмэнхеме! Сбежать ему удалось уже позже!

— Чего вы хотите от меня, старший инспектор? — прямо спросил я.

— Правды!

— Вы ее слышали.

Моран раскрыл папку и небрежно перекинул мне одну из лежавших там фотографий. Я взглянул на снимок и невольно вздрогнул. С листа на меня смотрели мертвые черные глаза индуса. Но напугало вовсе не это, не по себе стало из-за раздавленной гортани покойника. Раздавленной моей собственной рукой.

— И что это за несчастный? — спросил я, подавив нервную дрожь.

— Это одно из тел, рядом с которыми была обнаружена гильза с вашим отпечатком, — пояснил Бастиан Моран.

— С фрагментом отпечатка, — машинально вставил я, но старший инспектор пропустил мою ремарку мимо ушей.

— А вот этот снимок, — выложил Моран следующую фотографию, — был сделан в доме Левинсона. Как видите, характер ранений погибшего в июне индуса и охранника банкира полностью совпадают. Более того, я поднял из архива снимки жертв Прокруста...

— Довольно! — не выдержал я. — Чего вы от меня хотите? Говорите прямо!

— Правды!

— Я все сказал.

— Я знаю, что это вы, — прямо заявил Моран. — Это вы, Леопольд Орсо, убили индусов и вы, без всякого сомнения, причастны к убийству Левинсона. Не знаю, зачем и как, но будьте уверены — это лишь вопрос времени. Я остановлю вас, чего бы мне это ни стоило!

— Мне нужен адвокат.

— Адвокат не поможет! — отмахнулся старший инспектор. — Вы никогда больше не выйдете на свободу, уж поверьте — я об этом позабочусь!

Во рту появилась противная кислинка, но я пересилил себя и усилием воли прогнал подступившую панику.

— У вас нет улики, а сравнение отпечатков было проведено не по правилам. Ни один суд не примет это в расчет. Отпечаток зубов убитого мною оборотня совпал с одной из посмертных ран служанки Левинсона. И к тому же, если я оборотень, давайте пойдем самым простым путем и сделаем анализ крови. В прошлый раз он ничего не показал!

— Все мое время, — нахмурился Бастиан Моран. — Проведем и анализы. Я лично разрежу вас на мелкие кусочки, но добьюсь правды.

— Звучит как угроза.

Старший инспектор поднялся из-за стола, выключил фонограф и вынул из него валик.

— Да неужели? — обернулся он ко мне с недоброй ухмылкой. — Что навело вас на эту мысль?

Ответить я не успел. Резким толчком распахнулась дверь, и в камере в один миг стало тесно и невыносимо душно, хоть к нам и присоединился один-единственный человек.

Главный инспектор полиции метрополии Фридрих фон Нальц был стар и лицом походил на туземного идола, вырезанного из древнего соснового корневища. Отблеск бесцветных глаз был явственно различим даже в ярком свете электрических ламп, а исходящий от старика призрачный жар заставлял воздух колебаться вокруг него раскаленным маревом.

Впрочем, мне это только показалось. У страха глаза велики, а я боялся главного инспектора куда больше всех угроз Морана вместе взятых. Если фон Нальц решит выбить из меня правду, помехой ему не станут ни адвокаты, ни Высокий императорский суд.

Талант главного инспектора мог прожарить человека за пару секунд, но, к счастью, обратил свое внимание старик вовсе не на меня.

— Бастиан! — обратился фон Нальц к старшему инспектору. — Что здесь происходит?!

— Проводятся следственные мероприятия, — ответил тот с невозмутимым видом и выгнул бровь. — А что?

— Прощу извинить нас, Леопольд, — вздохнул Фридрих фон Нальц и позвал Морана в коридор. — На минуточку, Бастиан...

Мне окончательно сделалось не по себе, ведь главный инспектор прекрасно знал о моем родстве с императорской фамилией. Пусть мама и была незаконнорожденной дочерью великого герцога Аравийского, брата императора Климента, но кровь не вода. Фон Нальц полагал подобный статус вполне достаточным для вмешательства в мою судьбу, и в прошлый раз это вмешательство обернулось вырезанным сердцем.

Чем оно обернется сейчас, было даже страшно представить.

Разговор в коридоре продолжался никак не менее четверти часа, и это было удивительно по той простой причине, что едва ли кто-то в полиции метрополии мог противостоять натиску главного инспектора столь долго.

Я уж было подумал, что полицейское руководство решило продолжить разговор в кабинете фон Нальца, но тут вновь распахнулась дверь, и в камеру шагнул Бастиан Моран с побледневшим и закаменевшим от бешенства лицом.

Будь старший инспектор сиятельным и обладай его взгляд способностью убивать, мое сердце остановилось бы в тот же самый миг, да и так по спине побежали мурашки.

Но обошлось.

— Леопольд Орсо, вы свободны! — звенящим от напряжения голосом объявил Бастиан Моран, развернулся и покинул камеру, неестественно четко впечатывая подошвы туфель в каменный пол подвала.

Явившийся ему на смену констебль отпер мои наручники и снял кандалы, а затем незнакомый детектив-сержант выложил на стол целую кипу документов, на каждом из которых требовалось проставить подпись об ознакомлении.

Впрочем, подписка о невыезде вкупе с обязательствами сообщать о смене места жительства и по первому требованию являться в Ньютон-Маркт была в этой ситуации меньшим, что только могли на меня навесить. Я не расстроился.

Черт! Да я был практически на седьмом небе от счастья!

Из помещения для допросов меня препроводили в служебную раздевалку с обшарпанными шкафчиками, затхлым влажным воздухом и кранами, из которых текла ржавая вода. Я попытался отмыть с рук тушь для снятия отпечатков, но лишь впустую перевел обмылок да испортил носовой платок. Кожа на ладонях осталась синевато-серой.

Впрочем, ерунда. Я переоделся в возвращенную одежду и, бросив на скамье полосатую тюремную робу, вышел в коридор, уже ощущая себя свободным человеком, но вместо выхода усатый сержант повел меня куда-то вглубь Ньютон-Маркта.

— Простите, любезный... — насторожился я. — Выход в другой стороне!

— Вас желает видеть главный инспектор, — сообщил полицейский и распахнул дверь на лестницу. — Следуйте за мной.

Оспаривать приказ не имело ни малейшего смысла, и с обреченным вздохом я принялся подниматься из подвала. Сержант шагал впереди, сзади шумно сопели два крепких констебля.

Обложили...

В приемной главного инспектора изрядно заинтригованный происходящим адъютант под роспись вернул изъятые при задержании вещи, дал время рассовать их по карманам и лишь после этого уведомил фон Нальца о моем появлении.

— Проходите, главный инспектор готов вас принять, — объявил он, опуская трубку телефонного аппарата на рычажки.

В некоторых ситуациях «готов вас принять» ничем не отличается от «желает вас видеть незамедлительно», поэтому я подавил обреченный вздох и решительно распахнул тяжелую

дубовую дверь.

«Цербер» в кармане пиджака придал мне определенную уверенность, но значение имел больше сам факт наличия оружия, а вовсе не возможность пустить его в ход.

В кабинете главы полиции метрополии царил полумрак. Окна закрывал плотный тюль, он скрадывал проникавший с улицы свет и без того пасмурного сентябрьского дня. В камине плясало на дровах тусклое пламя, на стенах приглушенным светом горели газовые рожки. Лампу на заваленном газетами и корреспонденцией столе не включили, и на фоне всеобщей серости помещения ярким светом сияли одни только глаза главного инспектора.

— Вы меня удивляете, Леопольд, — брюзгливо произнес фон Нальц, даже не предложив присесть. — Вы хоть понимаете, что своим поведением дискредитируете память своего великого предка?

— Я не совершил ничего предосудительного, главный инспектор.

Фридрих фон Нальц поморщился и спросил:

— Зачем вам понадобился второй паспорт?

— Хотел начать новую жизнь, — ответил я в общем-то чистую правду. — Разве это запрещено? Паспорт настоящий.

— Окажись он фальшивкой, я не стал бы вмешиваться, — прямо заявил старик. — Но выдвинутое в отношении вас обвинение донельзя...

— Надуманное, — подсказал я.

— Сомнительное, — высказал главный инспектор собственную трактовку. — И поскольку собранные улики являются исключительно косвенными, не вижу оснований удерживать вас на время расследования под арестом. Надеюсь, вы не заставите меня об этом решении пожалеть.

Жгучий взгляд бесцветных глаз ожег недобрым огнем, но тут, к счастью, главный инспектор отвлекся на затрезвонивший телефонный аппарат, и я с облегчением перевел дух.

— Пусть ждут, сейчас спущусь, — выслушав сообщение, ответил Фридрих фон Нальц и раздраженно бросил трубку на рычажки. Несколько секунд он сидел, напряженно глядя перед собой, затем решительно поднялся из-за стола, приблизился и похлопал меня по плечу ладонью, худой и твердой будто доска.

— Леопольд! Мой вам совет: держитесь подальше от неприятностей. Вы ведь не простой обыватель. Ваша репутация должна оставаться безупречной ради памяти деда, который был важнейшим политическим деятелем эпохи становления империи!

Я судорожно сглотнул и сумел выдавить из себя лишь нечто маловразумительное:

— Все это какое-то недоразумение...

— Хочется на это надеяться.

Холодный тон фон Нальца напугал до икоты, и все же я переборол нерешительность и попросил об одолжении:

— Главный инспектор! Не сообщайте ничего моим... родственникам. Я хочу сам решить свои проблемы. Сам, понимаете?

— Это достойно уважения, — кивнул Фридрих фон Нальц. — Думаю, никакой нужды в этом нет. Здоровье ее величества оставляет желать лучшего, ей точно ни к чему лишние волнения.

— Благодарю, — перевел я дух с несказанным облегчением.

Главный инспектор улыбнулся.

— Надеюсь, Леопольд, наша следующая встреча случится при куда менее

двусмысленных обстоятельствах.

Я часто закивал — сейчас я был готов соглашаться с главным инспектором решительно во всем, — и поспешил выскользнуть в приемную. Адъютант при моем появлении оторвался от печатной машинки и спросил:

— Вызвать дежурного констебля?

— Нет, выход найду, — отказался я. — Мне понадобится какой-нибудь пропуск?

— Идите, я позвоню на проходную.

— Благодарю!

С чувством невероятного облегчения я покинул приемную и первым делом вытянул из кармана пиджака носовой платок, но тот оказался весь в черно-синих разводах туши, вытереть с лица пот не получилось. Сердце постукивало как-то слишком уж неровно, поэтому на втором этаже я по старой памяти заглянул в мужскую уборную, умылся и уставился на отражение в мутном и потрескавшемся зеркале над раковиной.

Отражение выглядело осунувшимся и напуганным.

Проклятье! Да таким я и был: выжатым, словно лимон, и напуганным, как маленький пастушок, вокруг гаснущего костерка которого кружат голодные волки.

Бастиан Моран не отступится. Дьявол! Он точно доведет расследование до конца, раскопает всю подноготную. И дело не в личной неприязни или желании восстановить правосудие — черт, да я же тугов убил! — у старшего инспектора имелся в этом деле какой-то собственный интерес.

Карьерный рост? Фридрих фон Нальц стар, ему недолго занимать пост главного инспектора, но как мое дело поможет продвижению Морана? Да и к чему стремиться раскрыть преступление, если общественность уверена, будто тугов застрелили сами полицейские?

Не понимаю...

На проходной на меня никто даже не взглянул. Начиналась пересменка: одни констебли спешили на службу, другие направлялись на выход после службы. Все они были в штатском, и в общей сутолоке я спокойно покинул Ньютон-Маркт.

А когда вышел в ограниченный колоннадой портика внутренний двор полицейского управления, то с удивлением обнаружил, что на ступенях там собралась немалых размеров толпа. На демонстрацию столпотворение несколько не походило — жидкая цепочка полицейских легко сдерживала прилично одетых господ, вооруженных не плакатами и палками, а блокнотами, карандашами и фотокамерами.

«Газетчики!» — сообразил я, надел котелок и уже двинулся к боковой арке, когда за спиной вдруг прозвучало:

— Лев! Лев, постойте!

Меня чуть удар не хватил! Машинально и совершенно не задумываясь над собственными действиями, я сунул руку в карман пиджака, но в последний момент опомнился и просто обернулся. Вдогонку за мной спешил черноволосый худощавый молодой человек в неброском костюме и мятой серой кепке.

— Лев, вот уж не ожидал тебя здесь встретить! — рассмеялся Томас Элиот Смит, сыщик Детективного агентства Пинкертона.

Я с облегчением разжал обхватившие рукоять «Цербера» пальцы и, вынув руку из кармана, протянул ее Смицу.

— А уж как я не ожидал встретить тебя, Томас! — улыбнулся я после обмена рукопожатиями и спросил, нацепив на нос темные очки: — Ты ведь собирался возвращаться в Новый Свет? Каким ветром тебя занесло в столицу?

— Это все работа, будь она неладна! — с наигранным сожалением сообщил сыщик, привычным движением разгладил черные усики и поинтересовался: — А что привело тебя в этот оплот правопорядка? Неужели опять проблемы с законом?

— Небольшое недоразумение, — поморщился я. — Ничего серьезного.

— Могу чем-то помочь?

— Нет, все уже разрешилось самым лучшим образом.

В темных глазах сыщика промелькнуло профессиональное недоверие. Впрочем, темными они казались лишь из-за цветных стеклянных линз. Томас Смит был сиятельным, но весьма искусно это скрывал.

Желая отвлечь сыщика от причины своего визита в Ньютон-Маркт, я поспешил спросить:

— Полагаю, стряслось нечто чрезвычайное, раз тебя вновь отправили через Атлантику?

— Лев, я так хорошо зарекомендовал себя этим летом, что меня решили оставить в Старом Свете! — рассмеялся сыщик. — Теперь я разъездной агент-консультант с зоной ответственности в половину Европы! Париж, Лондон, Лиссабон и Мадрид — где я только не побывал за это лето! Теперь намечается работа в Новом Вавилоне...

У меня на языке так и вертелось обидное словечко «коммивояжер», но смеяться над собеседником я и не подумал. Выпытывать подробности его нового задания тоже не стал, вместо этого указал на толпу.

— Полагаю, ты в курсе причины всеобщего ажиотажа? Что стряслось? Очередная диверсия на оружейной фабрике или громкая выходка анархистов?

По лицу Смита скользнула едва заметная гримаса, словно тема была ему неприятна, и вместо ответа он сунул мне утренний выпуск «Столичных известий», аршинный заголовок которых гласил «Кровавый ритуал на бульваре Фарадея!».

— Очередная утка? — уточнил я, пробежав глазами по статье.

— Нет, — качнул головой сыщик. — Все так и было.

— В самом деле? — удивился я, поскольку в передовице говорилось о преступлении, неординарном даже по меркам всякое повидавшего Нового Вавилона. Убийства в доходных домах редкостью не являлись, но на этот раз своей жертве — молодой незамужней женщине легкого поведения — убийцы выкололи глаза и вырезали сердце. Полицию вызвал квартиросъемщик этажом ниже, с потолка которого начала капать кровь. Выдвигалась версия, что в деле замешаны малефики, но никаких доказательств этого не приводилось. Полиция объявила в розыск сутенера погибшей.

В этот момент два констебля с красными повязками дежурных по управлению на рукавах распахнули входные двери и для надежности заблокировали их железными стопорами. Газетчики подались вперед, и полицейским из оцепления пришлось приложить немало усилий, дабы выдавить их обратно за колонны портика.

— Главный инспектор собирается сделать заявление? — догадался я.

— Именно, — подтвердил это предположение Томас Смит. — Да вот и он сам...

Фридрих фон Нальц вышел на пресс-конференцию в парадном мундире; адъютант с папкой в руках следовал за главой полиции в некотором удалении. Констебли напряглись и еще более потеснили примолкших газетчиков, но на ступенях те уперлись намертво,

отвоевать удалось лишь два или три верхних ряда.

— Пожалуй, пойду, — решил я. — Рад был увидаться...

Томас Смит потянул руку на прощанье, и в этот миг через оцепление проскочил растрепанный молодой человек.

— Умри, кровавый сатрап! — крикнул он и, прежде чем успел сорваться с места хоть кто-то из застигнутых врасплох неожиданным нападением полицейских, вскинул пистолет. — Свободу узникам совести!

Стоило бы стрелять молча, но политические лозунги для подобной публики всегда стояли на первом месте, и потому анархист сначала крикнул и лишь затем открыл стрельбу. Точнее, открыть стрельбу попытался, нисколько в этом не преуспев: его пистолет просто взорвался!

Обломки оружия разлетелись по сторонам раскаленной шрапнелью, никого при этом, к счастью, серьезно не зацепив, а несостоявшегося убийцу немедленно повалили на пол подоспевшие констебли. Впрочем, угрозы никому он теперь не представлял, более того — нуждался в неотложной помощи сам: из культи его изуродованной руки безостановочно хлестала кровь.

— Врача! — заголосил кто-то из газетчиков, но помог анархисту вовсе не полицейский медик.

Фон Нальц решительно растолкал окруживших его констеблей и приблизился к раненому. До меня донесся жгучий отголосок таланта сиятельного, а потом страшная рана зашипела и в один миг перестала кровоточить. Раненый парень тотчас перестал биться и обмяк на руках констеблей. Так, в бесчувственном состоянии, его и занесли в Ньютон-Маркт.

— Пресс-конференция переносится на более позднее время! — выкрикнул белый как мел адъютант главного инспектора.

Томас Смит сразу сообразил, чем будет чревата для нас любая заминка, и потянул меня к боковому выходу.

— Идем! Иначе застрянем здесь до вечера!

Каким-то чудом нам удалось покинуть двор Ньютон-Маркта, прежде чем арку перекрыли подоспевшие констебли, а на улице Томас Смит сразу свернул в один из боковых проездов, где перед бакалейной лавкой его дожидалась самоходная коляска — тот самый «Форд-Т».

— Что это было, черт возьми?! — обратился ко мне сыщик, раскочегаривая паровой котел. — Лев, ты что-нибудь понимаешь?

— А что тут понимать? — хмыкнул я. — Это либо анархист, либо боевик очередной подпольной ячейки социалистов. Возможно, что и христианин, но это вряд ли. Лозунги у них совсем другие.

— Не это! — резко обернулся Смит. — Почему взорвался пистолет?!

— Главный инспектор — сиятельный. У него крайне... зажигательный талант.

— Ах вот оно что! — протянул сыщик, натянул шоферские краги и спросил: — Тебя подвезти?

Я на миг задумался, потом уточнил:

— Подкинешь на проспект Менделеева?

— Это где?

— Здесь недалеко. Я покажу.

— Покажешь? Тогда поехали!

Я уселся рядом с Томасом, и самоходная коляска тронулась с места и задергалась на неровной брусчатке переулка, чтобы уже через пару минут выехать к служебным воротам ближайшей станции подземки.

— Здесь направо, — подсказал я сыщику на перекрестке, и тот резко вывернул руль, едва не сбив при этом стоявшую на тротуаре старушку.

Вдогонку нам понеслись проклятия, но Смит и ухом не повел. Он прибавил скорость, обогнал телегу, проскочил перед самым носом полицейского броневика и вырулил на проспект Менделеева с такой уверенностью, словно всю жизнь колесил на самоходной коляске по запутанным улочкам Нового Вавилона.

Впрочем, вскоре удача оставила его. Не рискуя на полном ходу проскакивать через рельсы, Томас сбросил скорость до минимума, а потом «Форд-Т» вклинился в плотный транспортный поток, и дальше пришлось плестись с черепашьей скоростью.

Ветра не было, улицы заполнял смог, из-за неприятного запаха запершило в горле. Темные очки худо-бедно защищали глаза от пыли, и все же я откровенно завидовал сыщику, который нацепил плотно прилегающие к лицу гогглы.

— Я в столице первый день, — сообщил Томас Смит. — Не знаешь какой-нибудь тихий спокойный отель в районе Центрального вокзала? Только чтобы без штанов не остаться.

— Ничего не подскажу.

— Мне рекомендовали «Генрих Герц».

— Извини, никогда о таком не слышал.

На одном из перекрестков у груженной пустыми бочками телеги отвалилось колесо, и она перегородила половину дороги. Возница и несколько добровольных помощников пытались то ли устранить неполадку, то ли освободить проезжую часть, но у них ничего толком не получалось. К остававшемуся свободным зазору выстроилась длинная вереница карет, повозок и самоходных колясок, и, как это обычно водится, извозчики и шоферы свистели, ругались и обещали оторвать друг другу голову, если им немедля не дадут проехать. Двое констеблей с философским спокойствием наблюдали за столпотворением с тротуара и ничего предпринимать не спешили.

Томас Смит тратить нервы на пустую ругань не стал, вытащил из планшета карту Нового Вавилона, развернул ее и попросил указать наше местоположение.

— Ага, — обрадовался сыщик, стоило мне выполнить его просьбу. — Лев, если я высажу тебя у моста Броуна, будет нормально? Думаю уехать по нему на другой берег Ярдена.

Я мельком взглянул на карту и согласился.

— Нормально.

И тут мое внимание привлекла карандашная пометка на самой границе Старого города. Просто жирная точка в одном из жилых кварталов, но хватило и этого.

— Был на бульваре Фарадея? — догадался я.

Томас Смит зашуршал бумагой, сворачивая карту.

— С чего ты взял? — искоса глянул он на меня.

— Простое предположение. Агентство расследует это дело?

В этот момент телегу наконец откатали с проезжей части, и движение возобновилось. Я решил, что ответа на вопрос уже не дождусь, но сыщик все же решил удовлетворить мое любопытство.

— Да, ты прав. Мне поручили это расследование, — со вздохом сообщил он после театральной паузы. — Но не стоит распространяться об этом, хорошо? Агентство не терпит трепачей, у меня могут быть неприятности.

— Ты же знаешь, я не из болтливых, — ответил я без ложной скромности.

— Очень на это рассчитываю, — вздохнул сыщик и вывернул к тротуару в надежде обогнать повозку, что на редкость медленно тащилась впереди, но ничего этим маневром не выгадал, поскольку в крайнем ряду неспешно катил тихоходный паровой грузовик.

Такими темпами до моста Броуна нам оставалось ехать никак не меньше десяти минут, и я решил продолжить расспросы.

— Так понимаю, это не простое убийство, раз тебя привлекли к нему. Либо замешан известный агентству Пинкертону малефик, либо...

— Либо, — перебил меня сыщик. — Ты все понял правильно.

Я присвистнул. Милой привычкой вырезать сердца жертвам отличались жрецы ацтеков, а заставить этих дикарей забраться столь далеко от родины могли только воистину чрезвычайные обстоятельства.

— Намечается что-то серьезное? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Смит. — Никто не знает.

— Но ты здесь. И прибыл в столицу заранее.

— Ты же знаешь, как это обычно бывает, — хмыкнул Томас. — Кто-то что-то кому-то сболтнул, но концов уже не найти, и меня присылают во всем разобраться. Обычное дело, только на этот раз слухи подтвердились. Ацтеки действительно в городе.

Я кивнул, вполне допуская, что сейчас сыщик со мной вполне откровенен. Любому полицейскому прекрасно известно, сколь непросто бывает иной раз отследить человека, который первым распустил ту или иную сплетню.

В этот момент впереди наконец показался мост Броуна; Томас Смит повернул на него и остановил самоходную коляску, позволяя мне сойти на тротуар.

— Благодарю! — отсалютовал я сыщику.

Тот вскинул в прощальном жесте руку над головой, и «Форд-Т» покатил прочь.

Я тоже на мосту задерживаться не стал, перебежал через дорогу и заскочил на заднюю площадку медленно взбиравшегося на пригорок паровика. На нем я доехал до ближайшей станции подземки, спустился вниз и отправился на фабричную окраину. Требовалось незамедлительно переговорить с Рамоном Миро и выяснить, что именно он сделал с остальными ворованными пистолетами. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы пускать ситуацию на самотек или доверять телефонному звонку...

В подземке оказалось на удивление немногочленно. Подошедший на станцию состав оказался без вагонов первого класса, но и во втором классе на протянувшихся вдоль бортов скамьях вопреки обыкновению обнаружилось изрядное количество свободных мест.

И что удивительней всего — вместе со мной на станции у Сталелитейного завода Маркхофа вагон покинули лишь три человека, хотя обычно здесь сходила едва ли не половина пассажиров.

Но только поднялся в вестибюль станции, и причина столь странного положения дел

разъяснилась сама собой: с улицы доносились сливавшиеся в единый гул крики многоголосой толпы.

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

И снова:

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

— Нет увольнениям!

— Выборы! Право на отдых! Достойное жалованье!

На улице шла стачка.

Я беззвучно выругался и с некоторой даже опаской подступил к дверям вестибюля, у которых нервно прохаживался перепуганный беспорядками дежурный по станции в форменной тужурке с железнодорожными нашивками и высокой фуражке с золоченой кокардой.

Впрочем, все оказалось не так уж и плохо: рабочих, запрудивших площадь перед заводоуправлением, сдерживали выстроившиеся в шеренгу констебли со щитами и дубинками в руках. Неподалеку от станции подземки замер броневик, и пулеметный ствол в его башенке нервно двигался из стороны в сторону, контролируя площадь. Рядом стояло несколько полицейских грузовиков, в кузовах которых ждали своего часа стрелки с приведенными к бою самозарядными винтовками.

Неожиданно прозвучал резкий свисток, и полудюжина констеблей стремительным броском вклинилась в толпу протестующих. Сверкнули электрические разряды дубинок, кто-то вскрикнул от боли, кто-то заголосил благим матом. В следующий миг полицейские отступили обратно, волоча за собой отчаянно извивавшегося агитатора с разбитым в кровь лицом.

Рабочие кинулись на помощь товарищу, но констебли сомкнули шеренгу и погасили натиск, приняв его на выставленные перед собой щиты. Из толпы полетели пустые бутылки, выломанные из мостовой булыжники, железные пруты и обломки черепицы. Один из камней угодил констеблю в лицо, и бедолага с протяжным стоном осел на брусчатку. Коллеги поспешили унести его к стоявшей у грузовиков карете «скорой помощи».

— Свободу братьям! — единым криком выдохнула толпа. Рабочие усилили напор, и полицейским пришлось отступить, но вскоре к ним подоспело подкрепление и ситуация выровнялась.

Только надолго ли? С высокого крыльца станции было прекрасно видно, что протестующими заполнена не только площадь перед заводоуправлением, но и примыкавшие к ней улицы.

Большого я рассмотреть не успел — какой-то излишне ретивый констебль из охраны грузовиков обратил на меня внимание и двинулся к станции, на ходу подтягивая ремешок шлема.

Я без промедления сбежал с крыльца и зашагал по улице прочь от шумной толпы. Констебль преследовать меня не стал и вернулся к броневику. Не иначе принял за газетчика; на рабочего в своем недешевом костюме я нисколько не походил.

Сейчас это обстоятельство позволило избежать объяснений с бывшими коллегами, но в дальнейшем дорогая одежда могла послужить причиной самых серьезных неприятностей: попадавшиеся навстречу работники окрестных заводов поглядывали на меня с нескрываемым подозрением, а то и злостью. Еще летом ничего подобного не было и в

помине, и оставалось лишь гадать, из-за чего произошло столь резкое обострение классово-борьбы.

Решив лишней раз не мозолить глаза представителям пролетариата, я свернул в первый попавшийся переулочек и окольными путями пробрался к Слесарке — району частных мануфактур. В узких проездах сразу прибавилось грязи и мусора, стало попадаться еще больше людей, но одновременно я словно стал невидимкой. На Слесарке никому не было до меня никакого дела.

Оно и немудрено: добропорядочным обывателям тут делать нечего, и солидный господин мог оказаться либо жуликом, либо деловым партнером одного из местных дельцов. А здешние заправилы терпеть не могли, когда кто-то начинал совать нос в их дела. Да и участники классово-солидарности по отношению к заводским рабочим сроду не испытывали. Высокие идеалы равенства и братства тут были не в чести, значение имели только деньги.

Ночью шел дождь, дороги толком не подсохли, и, когда я добрался до конторы Рамона, мои туфли потеряли всякий вид. Отскрести комья грязи с подошв о железную решетку не получилось, лишь впустую потратил на это время, дожидаясь, пока кто-нибудь ответит на мой стук.

Я уже намеревался постучать вновь, но тут распахнулась калитка и на улицу выглянул невысокий паренек в рабочем комбинезоне, смуглый и черноволосый. Именно он изображал полицейского водителя, когда мы трясли индусов в поисках пропавшего бармена в мой прошлый приезд в столицу.

— Рамон у себя? — спросил я не здороваясь.

— Да, — ответил тот и посторонился, освобождая проход. — Он в конторе.

Я пересек двор и поднялся на второй этаж пристроенного к длинному складу флигеля, где и располагался кабинет моего бывшего напарника.

Рамон Миро сидел за столом и делал пометки в толстой амбарной книге. От происходившей из аборигенов Нового Света матери он унаследовал не только красноватый оттенок кожи, но и внешнюю невозмутимость, и все же при моем появлении не удержался от удивленного присвиста.

— Лео?! — озадачился Рамон, рассеянно приглаживая черные жесткие волосы, которые стриг коротко, на военный манер. — Что на этот раз?

— Ничего хорошего, — ответил я, и в черных глазах бывшего констебля мелькнуло раздражение.

— А конкретней? — потребовал он объяснений.

Я встал у открытого окна и посмотрел на улицу. Низкая облачность растеклась над городом серым плотным пологом, густые клубы дыма из заводских труб ввинчивались в него огромными столпами, и лишь властвовавший на высоте ветер развеивал их, превращая в нарисованное небрежными мазками гениального живописца подобие мутных волн. Грузовые дирижабли на их фоне казались нападавшим в сточные воды сором.

— Лео! — заволновался Рамон, поднялся из-за стола и принялся расправлять закатанные рукава сорочки. — Что стряслось? Говори уже прямо!

— Ворованные пистолеты, — обернулся я к нему, — те, что предназначались для восставших Рио-де-Жанейро. Что ты сделал с ними?

— Ты просил избавиться от них, Лео, забыл? Я сделал все, как ты велел!

Я вздохнул.

— Рамон, каким именно образом ты избавился от них? Продал кому-то, спрятал или утопил в доках? Мне важно знать, что пистолеты не приведут к тебе наших бывших коллег, понимаешь?

— Утопил в канализационном коллекторе, — спокойно ответил Миро, и на его скуластом лице промелькнула непонятная ухмылка. — Что, не ожидал? Думал, стану мелочиться? Нет, Лео. Ты сказал — дело серьезное, и я избавился от них. У меня серьезное предприятие, не хочу прогореть из-за таких мелочей. К тому же ты компенсировал все издержки.

— Компенсировал, да, — кивнул я, с облегчением переводя дух.

После увольнения из полиции бывший констебль занялся частным сыском, и, к моему немалому удивлению, изрядно в этом деле преуспел. Что послужило тому причиной — опыт работы в полиции или заведенные за это время полезные знакомства, сказать было сложно.

Тот Рамон, которого я некогда знал, никогда бы не выкинул ящик новых пистолетов в канализационный коллектор, но люди меняются. По-крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Может, теперь расскажешь, что происходит? — в свою очередь потребовал объяснений Рамон.

— Налей воды, в горе пересохло, — попросил я, уселся в шаткое кресло для посетителей и выставил перед собой перепачканные тушью для снятия отпечатков ладони. — Что, кстати, подсказывают твои дедуктивные способности?

Рамон Миро налил мне содовой, затем разбавил ею белое вино для себя.

— Говори! — потребовал он, сделав длинный глоток.

— Помнишь такого Бастиана Морана, старшего инспектора Третьего департамента?

Мой бывший напарник болезненно скривился. Вылетел со службы Рамон именно из-за этого господина.

Я в несколько глотков осушил стакан, жестом попросил приятеля наполнить его вновь и вздохнул.

— Моран решил, будто сумеет меня сожрать, — медленно произнес я после этого. — Он немного просчитался, но, если свяжет меня с тем пистолетом, я сяду надолго.

— Что ты натворил?

Врать я не стал.

— Помнишь, в начале лета мы как-то наведались к индусам, и примерно в это же время полицейские устроили облаву на тугов и застрелили шестерых?

— Да, дело было громкое, в газетах про него много писали. Главный инспектор даже получил благодарность от министра юстиции.

— Так вот, это сделали не полицейские, а я.

— Вот черт! — выругался Рамон, одним глотком допил вино и наполнил стакан вновь, добавив на этот раз содовой куда меньше, чем прежде. — Как на тебя вышли?

— По отпечаткам пальцев с гильз.

— И с такими уликами тебя отпустили из-под ареста? — удивился крепыш и насторожился: — Тебя ведь отпустили? Проклятье! Лео, скажи, что ты не удрал!

— Успокойся! — потребовал я, отпив воды. — Улики против меня исключительно косвенные, поэтому и отпустили.

— Нет, пистолеты не всплывут, — задумчиво произнес Рамон и потер широкую

переносицу. — И знаешь... через неделю после того, как ты предупредил о пистолетах, на Слесарке устроили облаву — якобы искали взрывчатку. У меня тоже перевернули все вверх дном. Вот теперь я и думаю: а может, дело было вовсе не в динамите?

— Дьявол! — поежился я, допил воду и отошел к окну. — Обложили...

— Успокойся! Пистолетов больше нет!

— Хоть это радует, — вздохнул я и махнул рукой. — Ладно, черт с ними! Скажи лучше, у тебя самого как дела? Стачки не беспокоят?

— Шлялись какие-то мутные личности, но ты же знаешь — у нас агитаторов и провокаторов не жалуют.

— Пошумят и успокоятся, думаешь?

Рамон пожал плечами.

— От меня ничего не зависит, не вижу смысла забивать себе этим голову, — резонно отметил он и вдруг сказал: — Скорее всего, в ближайшее время покину город.

— Далеко собрался? — заинтересовался я.

— На Карибы. Куба, Эспаньола, Ямайка.

— Гонять ацтеков?

— Нет, ацтеков оттуда давно выгнали и без меня. Сейчас начались волнения среди рабочих на плантациях. Слышал о вуду? Власти хотят приструнить служителей культа, готовится полицейская операция.

— И ты?

— Мне предлагают возглавить собственный отряд. Деньги обещают серьезные.

— Ну не знаю... — неуверенно протянул я. — Хорошо, если спицу в твою куклу сразу в сердце воткнут, а ну как куда пониже?

Рамон взглянул на меня в ответ со столь обиженным видом, что я не выдержал и рассмеялся собственной шутке. Крепко нервничая, отхлебнул вина и спросил:

— У тебя самого какие планы?

— Не решил еще, — пожал я плечами и перевел взгляд на грязную обувь. — Слушай, Рамон, получится где-нибудь у вас поймать извозчика? А то пока сюда шел, все туфли в грязи изгваздал.

Рамон выглянул в окно и крикнул племяннику отправить кого-нибудь за коляской, затем отпер один из железных шкафов и выложил на стол увесистый брикет.

— Лео, глянь, что у меня для тебя припасено. Интересует?

Я развернул плотный серый пергамент и присвистнул от удивления при виде темно-коричневого бруска. Воткнутое ближе к углу острие ножа отломило небольшой кусочек, а стоило только сунуть его в рот, и по языку немедленно разошелся горьковатый вкус шоколада.

— Откуда?! — поразился я, поскольку торговые отношения с ацтеками были давно прекращены, а из-за наводнивших Атлантический океан каперов цены на контрабандный шоколад, как и на прочие экзотические товары, взлетели просто до небес.

— Есть связи, — ответил Рамон с довольной улыбкой.

— Карибские острова? — догадался я.

— Не важно. Берешь?

— Сколько?

— Триста. И давай без торга — я на этом вообще ничего не заработаю. Взял только для тебя.

Я отсчитал шесть банкнот по полсотни франков каждая и отдал их приятелю, а обернутый пергаментом брусок убрал в боковой карман. Весил тот никак не меньше четверти килограмма, и пиджак перекосило, но, к счастью, не слишком сильно.

— Извозчик приехал! — послышалось с улицы.

Я быстро распрощался с Рамоном, вышел за ограду и забрался в стоявшую на дороге коляску.

— Куда ехать? — спросил дядечка средних лет в лихо заломленной набок фуражке.

— Михельсона, один, — сообщил я новый адрес своего поверенного.

Поправив финансовое положение, мой юрист первым делом перебрался из высотки на окраине столицы в старинный особняк на границе Иудейского и Посольского кварталов. Его теперешняя контора едва ли превосходила размерами старую клетушку, зато окнами выходила на тенистый бульвар и арку, посвященную полувековому юбилею свержения тирании падших. Округа та полагалась весьма достойной и престижной, но имелся у нее и один весьма существенный недостаток: ни ветки паровиков, ни линии подземки туда проложено не было.

Поэтому и понадобился извозчик.

Поверенный оказался на месте. Об этом сообщил швейцар, с благодарностью принимая монету в полфранка, когда я поинтересовался, как отыскать нужную контору: прежде мне бывать здесь еще не доводилось.

По широкой мраморной лестнице я поднялся на третий этаж и очутился в коридоре с горевшими через один газовыми рожками. Здание порядком обветшало, лепнина на высоком потолке требовала обновления, а паркет был истерт ногами бесчисленных посетителей, но даже в таком состоянии убранство создавало впечатление не запустения, а некоей благородной старины.

Обзавестись секретаршей или помощником поверенный не удосужился, поэтому я без стука прошел в его невеликих размеров кабинет с парой широких окон, портретом императрицы Виктории над рабочим столом и рядами металлических шкафов картотек вдоль стен. От неожиданности розовощекий молодой человек подавился сигаретным дымом и надсадно закашлялся.

Я не удержался от усмешки.

— Спокойствие, мэтр. Только спокойствие. Это всего лишь я.

— Виконт? — изумился поверенный, кинув газету на стол. — Не ожидал сегодня вашего визита!

— Обстоятельства непреодолимой силы, — сообщил я, прикрывая за собой дверь. — Мне понадобится адвокат.

— Адвокат?

— Лучший адвокат по уголовному праву, которого только можно нанять за деньги.

— Все так серьезно?

— Чрезвычайно серьезно, — подтвердил я и спросил: — Здесь есть туалетная комната? Надо вымыть руки.

Упитанная физиономия поверенного вытянулась от страшного подозрения, и мне не удалось удержаться от смеха.

— Видели бы вы свое лицо, мэтр! — отсмеявшись, покачал я головой. — Это не кровь, всего лишь краска для снятия отпечатков пальцев.

— Я не дальтоник, — надулся обиженный юрист и раздраженно вдавил сигарету в дно фарфоровой пепельницы. — Кровь красного цвета, это знают даже дети!

— Так есть у вас туалетная комната?

Поверенный указал на неприметную дверь, прятанную между двумя металлическими шкафами.

— Проходите.

За дверью обнаружилась совсем уж крохотная уборная без окон. Встав у раковины, я отрегулировал краны, заткнул сливное отверстие и какое-то время просто держал руки в теплой воде, затем намылил их и попытался смыть краску, но безуспешно. Только зря оставил на полотенце серые разводы, кожа нисколько не отмылась.

Когда я вернулся в кабинет поверенного, тот стоял у железного ящика с картотекой и перебирал какие-то бумаги.

— Как срочно вам понадобится адвокат, виконт?

— Договоритесь о встрече на завтра, лучше на первую половину дня, — ответил я и обреченно вздохнул, поскольку только сейчас окончательно осознал, что планам покинуть Новый Вавилон сбыться уже не суждено. — И подготовьте договор о долгосрочном представлении интересов.

— Я мог бы сам представлять вас в суде!

— Не говорите ерунды! — отмахнулся я, уселся на стул и вытянул ноги. — С финансами вы справляетесь неплохо, но за решеткой я не хочу находиться ни одного лишнего дня. Оспорить арест или внести залог надо будет незамедлительно. И для этого потребуются надавить на все рычаги. Нужны связи.

— В этом есть определенный резон, — сдался юрист. — Какого рода обвинение вам предъявлено?

Я решил не расстраивать его больше необходимого и махнул рукой.

— Пока никакое. И, возможно, вообще ничего предъявлено не будет, но мне нужны гарантии.

Если поверенный и догадался, что я попросту не хочу вводить его в курс дела, то никак этого не показал. Он спокойно убрал газету в ящик стола и уточнил:

— Посмотрите ежемесячные отчеты?

Я задумался, не заказать ли сюда обед из какого-нибудь окрестного ресторана, но решил дольше необходимого в конторе поверенного не задерживаться и покачал головой.

— Нет, пожалуй. У нас ведь все в порядке?

— В полнейшем, не извольте сомневаться. Усадьбу на Кальварии мы продали в конце прошлого месяца, выручки хватило на погашение большинства требований кредитора.

— Кто выиграл торги?

Поверенный принял вид оскорбленной невинности и объявил:

— Разумеется, мы! Разве я вас когда-нибудь подводил?

— Отличная работа, мэтр!

— Куда доставить вывезенные из особняка вещи? Я пока арендую склад, но все самое ценное храню у себя на квартире, а это не слишком удобно...

— Потерпите еще немного, мэтр. Мы все разберем, как только у меня появится свободное время. — Я поднялся из-за стола, посмотрел на хронометр и напомнил: — Не забудьте об адвокате. Позвоню после шести, надеюсь, к этому времени уже появится какая-то конкретика.

— Разумеется, виконт! Займусь этим прямо сейчас!

Я попрощался с поверенным, спустился на первый этаж и остановился на тротуаре, в нерешительности поглядывая то на арку, то на спокойный бульвар, где в полной неподвижности замерли раскидистые платаны.

Напрямую к площади императора Климента отсюда было не проехать, если поймаю извозчика, тому придется делать крюк по запруженным транспортом дорогам. В итоге добираться до отеля буду даже дольше, нежели пешком через Посольский квартал.

Это соображение и решило дело. В палатке на углу я купил стакан газированной воды без сиропа, утолил жажду и двинулся к арке. Людей на улицах было совсем немного, только спешили по своим делам представительного вида господ с портфелями и свернутыми газетами да изредка пробегали взмыленные мальчишки-посыльные. А вот патрульных хватало с избытком; более того — в тихих дворах и переулках нет-нет да и попадались на глаза полицейские броневики. Впрочем, для столичных полицейских усиленный порядок несения службы являлся делом обычным. Ожидайся властями серьезные беспорядки, в центр города ввели бы гвардейские части.

От пристальных взглядов постовых сделалось не по себе; я сунул руки в карманы и произвольно ускорил шаг. Немного успокоился, лишь когда узенькие неровные улочки Посольского квартала с цветастыми флагами и гербами на фасадах старинных особняков остались позади. Дома раздвинулись, подул легкий ветерок, и хоть над крышами по-прежнему растекалось плотное серое полотнище облаков, мне будто стало легче дышать.

Впереди замаячил Римский мост, туда я и направился.

Некогда это величественное сооружение соединяло Старый город и Посольский квартал, а после того как обмелевший приток Ярдена упрятали под камень, мост облюбовали уличные художники и музыканты. У меня с этим местом были связаны не самые приятные воспоминания. Я его не любил и по возможности избегал.

Навстречу под размеренный цокот подков на брусчатке проскакали два верховых констебля. Я не обратил на них никакого внимания, просто шел и разглядывал поток, который вырывался из огромной каменной трубы с одной стороны моста и вновь исчезал под землей не далее чем в полусотне метров с другой. Мутная после недавних дождей вода бурлила и пенилась.

По боковой лестнице я поднялся на мост и огляделся по сторонам. Хмурая погода отпугнула далеко не всех здешних художников; праздные зеваки с интересом разглядывали их работы, но мало кто задерживался заказать карандашный шарж или полноценный портрет. Куда большей популярностью пользовался уличный бэнд, перепевавший недавний хит «Выключи свой свет, лунный человек». Впрочем, монеты в футляре от скрипки звенели не так уж и часто.

Мой старый знакомый Шарль Малакар сидел на складном стульчике у статуи Микеланджело. Сейчас он был занят очередным клиентом; я посмотрел на хронометр и решил подождать, пока художник освободится.

Торопиться мне было некуда. Перед возвращением в отель еще предстояло решить, что можно открыть Лилиане, а придумать правдоподобную причину для столь крутого изменения планов совсем не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

С обреченным вздохом окинув взглядом дворцы и башенки Старого города, я облокотился на ограждение и посмотрел вниз на быстрый и мутный поток воды. Неподалеку вдруг гулко хлопнуло, и мост в один миг заволокло густым оранжевым дымом. Полагая, что

это дурачатся уличные комедианты, я выпрямился и недобро ругнулся, стягивая с лица очки, но тут же раздался еще один хлопок, куда тише прежнего.

Тело среагировало само. Я припал на левую ногу, накрываясь, и тотчас что-то прогудело у правой щеки.

И тут же — новый хлопок!

Инстинкт бросил меня в сторону, но на этот раз невидимый стрелок рассчитал упреждение, и в бедро словно забили раскаленный штырь. Я упал на одно колено, и лишь это уберегло от второго ранения. Пуля угодила в ограждение моста, полетели каменные осколки.

Резким рывком я поднялся на ноги и вскинул выхваченный из кармана «Цербер», но из-за безветрия затянувшая мост оранжевая пелена развеивалась чрезвычайно медленно, и стрелка разглядеть не получилось. А вот он видел меня отлично.

Очередной хлопок застал на полушаге, и вновь лишь сверхъестественное чутье позволило избежать верной смерти. Я шатнулся вбок, что-то ударило по правой руке, и она тотчас обвисла словно плеть. Шок от ранения заставил замереть на месте, следующая пуля угодила в живот.

В голове помутилось, все мысли растворились в ошеломляющей вспышке боли, осталось лишь желание жить. Вцепившись в каменное ограждение моста, я выпрямился и тут же навалился на него грудью, получив пулю в спину. На миг замер так, а потом перевалился через отполированный прикосновениями случайных прохожих гранит и рухнул вниз, в несшийся под мостом поток.

Прямиком во тьму.

Часть вторая

Пациент. Наследственная патология и электротерапия

1

Колокола. Когда я очнулся, звонили колокола.

Беспредельно звонили. Звон то усиливался, полностью заполняя голову, то стихал и доносился откуда-то издали, едва-едва, на самой грани слышимости.

Но полностью он не умолкал ни на секунду, ни на миг — все гудел, гудел и гудел.

Бом! Бом! Бо-о-ом!

Иногда звук плыл, иногда его перекрывал какой-то посторонний шум, но я слышал звон и только звон, как если бы колокола надрывались прямо в голове. Быть может, они и пробудили меня к жизни? Я этого не знал. Я плыл в беспредельной черноте, не чувствуя собственного тела, не способный пошевелить ни рукой, ни ногой, и мог только слушать. Вся моя жизнь была одним сплошным звоном.

Бом! Бом! Бо-о-ом!

А потом вернулось обоняние. Сквозь дурман забытья пробился резкий запах нюхательной соли, и тут же накатили все остальные ароматы. Пахло медикаментами и антисептиком, к ним добавлялась вонь человеческих испражнений и гниющей плоти.

Больница?!

Запахи пробудили память; вспомнилось, как на Римском мосту кто-то всаживал в меня пулю за пулей, и немедленно навалилось головокружение. Головокружение? О нет! Закружило меня всего целиком! Закружило и потянуло в безмолвие и тьму.

На миг пропал даже неизменный колокольный звон, но тут выяснилось, что осязание оставило меня не в полной мере. Резкие шлепки пощечин пробились даже через онемение забытья.

— Нет! Нет! Нет! — послышалось откуда-то из беспредельного далека. — Не покидай нас! Этот бранный мир еще не готов распрощаться с тобой!

И вновь в нос ударила едкая вонь нюхательной соли. Я на миг задохнулся, потом закашлялся и задышал.

О дьявол! Я же под наркозом!

Морфий? Похоже на то...

И сразу перестали звонить колокола. Взамен пахнуло дешевым табаком и перегаром.

— Ну наконец-то заткнулись! — недовольным тоном произнес кто-то поблизости. — У меня от этого паршивого трезвона голова разболелась!

Собственного тела я по-прежнему не ощущал, сознание мягко покачивалось в беспредельной черноте, и даже думать не хотелось, что станет со мной, когда отпустит наркоз.

Сколько было попаданий? Три, четыре? А ведь еще я сверзился с моста...

— И главное, было бы ради чего трезвонить! — вновь нарушил тишину невидимый жалобщик.

— Уймись! — одернул его голос грубый и недобрый. — Не каждый день императрицы умирают.

— Давно старуху черти в аду заждались.

— Уймись, я сказал!

Почудилось легкое покачивание, а потом толчок, как если бы с носилок меня переложили на больничную койку. Санитары удалились, и я остался в тишине, темноте и одиночестве. Но ненадолго.

Слух почти полностью восстановился, и потому я расслышал и скрип двери, и стук подошв по каменному полу.

— Ну и что тут у вас? — с протяжной вальяжностью поинтересовался кто-то пару секунд спустя.

— Сиятельный, — прозвучал быстрый ответ с легкими нотками заискивания. — Доставлен без документов, в сознание не приходил. Пулевые ранения в предплечье и бедро сквозные, пулю из внутренностей мы извлекли, еще остается одна в спине.

Профессор, почему-то я подумал именно так, фыркнул и с недоумением спросил:

— Почему вы решили, что этот случай меня заинтересует?

И вновь местный врач ответил без малейшего промедления:

— Сиятельный и христианин. Вам такое нравится, профессор.

— Откуда вы это узнали, если он не приходил в сознание? Он что же, разговаривал под наркозом?

— Посмотрите сами, господин Берлигер.

Почудился порыв воздуха, словно с меня сдернули простыню, а потом профессор озадаченно протянул:

— Да, это многое объясняет.

— Я, как только увидел татуировки, сразу вспомнил о вас, господин Берлигер.

— Но полумертвый сиятельный, пусть даже и христианин...

— Состояние пациента стабильное, — уверил собеседника врач.

— А пуля в спине?

Вопрос застал медика врасплох, и он замялся.

— Скрывать не буду — ранение серьезное. Подозреваю, пуля застряла в позвонке. Я за столь сложную операцию не возьмусь, но вы и ваш ассистент творите настоящие чудеса!

— Не надо лести, — с легкими нотками брезгливости ответил господин Берлигер. — Лесть — это лишнее.

— Ваш ассистент — лучший хирург, которого я знаю!

Нестерпимо захотелось, чтобы мной занялся столь опытный врачеватель, но, как ни тужился, я не смог выдать из себя ни слова.

Проклятье! Да что за напасть?!

А профессор явно сомневался, стоит ли ему братья за мой случай.

— Даже не знаю, — задумчиво протянул он. — Пусть нам и доводилось оперировать сложных пациентов, но нет никакой гарантии, что его получится довести до клиники живым.

— Но это уникальный случай!

— И чем же он так уникален? Сиятельные христиане вовсе не редкость.

— А вот, поглядите! — загадочно произнес врач, и послышался странный звон, словно в стеклянной баночке стучал о стенки комочек металла. — Это пуля, которую я извлек из брюшной полости пациента.

— Серебро? — опешил профессор. — Его пытались застрелить серебряной пулей?!

— Так и знал, что вас это заинтересует!

— Тут вы, безусловно, правы! — признал господин Берлигер. — Так, говорите, у него при себе не было никаких документов?

— Никаких.

— А родственники?

— Какое это имеет значение? — фыркнул врач. — Обратите внимание на его ладони.

— Что это?

— Следы краски для снятия отпечатков пальцев. Судя по всему, перед нами — закоренелый преступник, никто не станет его искать.

— И вновь ваша логика безупречна, коллега, — согласился с медиком профессор и зашуршал банкнотами, а на меня сквозь ватную апатию наркоза накатила волна дикого ужаса.

Что происходит?! Почему меня не должны искать?!

Кто такой этот профессор Берлигер?!

— Но сначала — небольшая проверка, — заявил профессор, а потом мое веко приподняли, и в глаз ударил ослепительный луч карманного фонарика. — Отлично! Зрачок реагирует на свет. Я его беру.

— Сделать дополнительную инъекцию морфия?

— Будьте так любезны, коллега. Путь нам предстоит неблизкий...

2

Чем плох морфий, так это отсутствием выбора.

Поначалу вам вкалывают эту гадость, чтобы унять боль, но очень скоро болью становится пропуск очередной инъекции. И не поможет никакой самоконтроль, слишком сильно привыкание. Физиология и психология свиваются в единую удавку, которую обычному человеку так просто не снять.

Сиятельному — тоже. Особенно мне.

Морфий воздействовал напрямую на мой талант, заставлял видеть то, чего не существовало на самом деле, и путать реальность с наркотическим бредом. И нет бы грезились райские кущи! Будто нарочно видения оказывались одно хуже другого. Под воздействием морфия в памяти всплывали странные и страшные события прошлого. Я вновь и вновь переживал те жуткие мгновения, только теперь они были во стократ реальней и ярче действительности.

Я бы даже наплевал на боль и потребовал прекратить колоть мне наркотики, но не мог вымолвить ни слова. Тело мне больше не повиновалось.

Впрочем, обо всем по порядку. Сначала была тьма, ничто, пустота.

Как долго — не знаю, ведь времени не было тоже. По-крайней мере, для меня.

Да и был ли я сам? Не уверен. Вовсе нет...

Слишком путано? Но как иначе, если сначала меня накачали морфием, а сознание вернулось уже в палате с белыми стенами и гирляндой фонарей под потолком. Обнаженный, я лежал на спине и пытался вспомнить, где нахожусь и как сюда попал. Пытался — и не мог.

«Операционная!» — понял вдруг я.

Но где тогда врачи? Почему меня бросили на операционном столе одного?

А потом лязгнул ящичек с инструментами и холодно прошуршал металлом о металл скальпель. Хирург склонился надо мной, и я его узнал. Узнал врача и сразу вспомнил операционную. Дернулся, но тщетно, руки и ноги были притянуты к столу прочными кожаными ремнями.

— Нет! — заорал я. — Ты мертв! Я убил тебя!

— Чепуха! — с холодной улыбкой ответил маэстро Марлини, упер острие скальпеля в мою грудь, и только вспорол кожу, как из разреза забило жгучее жидкое пламя!

«Совсем как кровь падшего...» — мелькнула пугающая мысль, а потом рана взорвалась нестерпимой болью, и меня вышвырнуло из кошмара в непроглядную тьму.

Второе пробуждение оказалось уже не столь быстрым и куда более болезненным.

Я лежал на панцирной кровати в какой-то комнатухе, которую даже не мог толком разглядеть. Перед глазами все плыло, тело грызла боль, тошнило. И хоть лежал я полностью неподвижно, меня раскачивало, словно находился в каюте морского судна.

На приставленном к койке стуле сидел кто-то в белом халате; я облизнул губы и хрипло выдохнул:

— Что со мной, доктор?

— С тобой все хорошо, Леопольд. Все просто замечательно. Пока.

Врач склонился надо мной, и я разглядел темно-синие отпечатки ладоней на его шее. Отпечатки своих собственных ладоней!

Маэстро Марлини выдернул у меня из-под головы подушку, накрыл ею мое лицо и всем весом навалился сверху. Задыхаться было мучительно больно.

Вновь сознание вернулось ко мне в полной темноте. И я не лежал. Я стоял и боялся шевельнуться. Потому что рядом во тьме был кто-то еще. Кто-то большой и страшный. И он меня искал.

Кто-то? О нет! Я прекрасно знал кто. И потому неподвижно стоял, не смея даже вздохнуть. Ноги по колено провалились в ледяное крошево, оно осыпалось и шуршало, выдавая мое присутствие, а потом во мраке мелькнул огонек зажигалки. Неровный отблеск осветил подвал фамильного особняка и темную фигуру с разделочным ножом в руке. Но фигуру неправильную, совсем не того человека, которого я страшился увидеть.

— Очень интересно... — задумчиво протянул маэстро Марлини, и лишенный последних остатков логики кошмар начал рассыпаться, будто разрушенный сквозняком картонный домик.

Меня утянуло под лед, до костей ободрав при этом с них плоть.

Та еще смерть.

Паскудная.

Вы когда-нибудь жаждали кого-нибудь убить?

Взять и давить человека собственными руками без какой-либо корысти для себя, просто потому что накатило?

Если желали, то, без сомнения, знаете, насколько это неправильно. Страсть оставляет пробоину в душе, изменяет вас и делает другим человеком. Тянет на дно и не отпускает уже

никогда.

Я знал это наверняка, ведь я не просто хотел убить, но и сделал это. И готов был убить вновь! Мои ладони стиснули шею маэстро Марлини, и пальцы дрожали от желания сжаться и удавить гипнотизера, который не оставлял меня в покое даже после смерти. Своей смерти, разумеется, не моей.

Привязанный к спинке широкой двуспальной кровати гипнотизер смотрел без всякого страха. Прежде он не верил, что у меня хватит решимости отправить его на тот свет, а теперь знал все наперед и потому несколько не боялся развязки. Мертвецы — бесстрашные ублюдки, худшее с ними уже произошло. Они так думают.

— Ты мертв! — прорычал я.

— Разве? — удивился гипнотизер и рассмеялся бы, но я стиснул пальцы, не дав ему этого сделать.

— Ты мертв! Я убил тебя! Убил!

И я сделал это снова, для надежности на этот раз полностью смяв неподатливую гортань. Это непросто с непривычки, но у меня большой опыт в подобных делах.

Хрустнули косточки, и летний день тотчас налился зноем, с улицы дыхнуло жаром преисподней, нестерпимо завоняло серой. Я обернулся к окну и поспешно прикрыл ладонью лицо. Объятая пламенем фигура, размытая и ослепительно-белая, ступила в комнату, и вслед за ней в сон ворвался пылающий дождь. Яростный пожар в один миг пожрал мой кошмар, и, опаленный до костей, я пламенной кометой рухнул в бездонную пропасть раскинувшейся кругом тьмы.

Наверное, боль от ожогов и вырвала меня из забытья.

Да, я очнулся. И не могу сказать, что кошмары по сравнению с явью были так уж плохи...

Неприятно это признавать, но наша реальность может быть неизмеримо хуже любого, пусть даже самого жуткого кошмара. Сновидения обычно усиливают лишь одну из граней бытия, доводят ее до абсурда и тем самым вгоняют жертву в ступор, а окружающая действительность страшна своим широчайшим охватом всяческих мерзостей.

Шум тяжелого дыхания и отдаленные вскрики, испуганные и обреченные.

Едкая вонь мочи и удушающий запах хлорки.

Ноющая боль во всем теле и безмятежность, навеянная инъекцией морфия.

Постепенно все это слилось в единое целое, и тогда я впервые за долгое время совершил осознанное действие: открыл глаза.

Мягкий полумрак больничной палаты поначалу ослепил нестерпимым сиянием, и хоть я поспешил зажмуриться, в голове намертво засели обрывки деталей обстановки: белый силуэт закрытой двери, серые стены, крюк демонтированного газового светильника. Тусклые лучи осеннего солнца высвечивали на полу клетчатый прямоугольник, но само окно осталось вне поля зрения.

Я захотел повернуть к нему голову — и не смог. Ничего не смог. Только и получилось, что облизнуть пересохшие губы да моргнуть.

Что происходит?!

Изо рта вырвался едва слышный сип, но меня никто не услышал. Да никто и не мог услышать: койка у противоположной стены пустовала.

В попытке подавить приступ паники я несколько раз глубоко вздохнул, и сразу

закружилась голова, зашумело в ушах. Какое-то время мне удавалось балансировать на самой грани забытья, но не слишком долго. Вновь накатило беспомощность...

Второй раз я очнулся, когда повеяло свежим воздухом.

Оставив входную дверь распахнутой настежь, крепкий санитар в расстегнутом белом халате поменял стоявшую под моей койкой утку и двинулся на выход.

— Стой! — просипел я ему вдогонку.

— Ого! — удивился парень, из закатанных рукавов халата которого торчали мускулистые волосатые предплечья. — Очухался!

— Стой! — потребовал я, но санитар вышел в коридор и захлопнул за собой дверь, а потом послышался скрежет, с которым провернулся в замочной скважине ключ.

Я беззвучно выругался и попытался приподняться, но даже не шевельнулся. И дело было вовсе не в притянувших запястья к койке тряпичных жгутках — высвободиться из столь несерьезных пут мог и ребенок. Тело просто-напросто отказалось повиноваться. Я не смог заставить себя сесть, не сумел согнуть ногу, не получалось даже элементарно пошевелить пальцами.

От паники удержало лишь навеянное морфием спокойствие. Я лежал, отрешенно смотрел в потолок и безучастно ждал дальнейшего развития событий.

Сейчас непременно кто-нибудь придет и все мне объяснит, для беспокойства нет причин. Скоро все разрешится само собой. А что касается странной слабости — так в этом нет ничего необычного. Последствия ранения, долгая неподвижность, вколотый морфий. Просто атрофировались мышцы, только и всего. Тело я чувствовал: полностью погасить дергавшую нервы боль не могла даже лошадиная доза наркотика.

Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо.

Проклятье! Да все уже хорошо! Для человека, поймавшего четыре пули, остаться в живых дорогого стоит. Я жив, а это главное!

Но на самом деле этими рассуждениями я попросту успокаивал себя и вполне отдавал себе в этом отчет. Но что еще остается, когда не способен пошевелить ни рукой, ни ногой. Только сохранять спокойствие и надеяться на лучшее. Только так, чтоб вас всех разорвало...

Врач явился, когда я уже окончательно уверился, что санитар мое пробуждение попросту проигнорировал. Эскулап был молод и растрепан; из-под распахнутого халата проглядывал недорогой костюм, испещренный темными отметинами брызг, словно доктор недавно попал под дождь. Пахло от него осенней непогодой, сигаретным дымом и медикаментами.

— Замечательно! — с порога объявил он. — Вы очнулись, это просто замечательно!

— Где я? — хрипло выдохнул я.

На покрытом оспинами плоском лице врача отразилось замешательство. Он потерял золотую заколку галстука и поинтересовался:

— Вы знаете, что с вами произошло? Что последнее вы помните?

— В меня стреляли.

— А свое имя? Назовите его!

Я надолго задумался, как именно представиться, потом сказал:

— Меня зовут Лев Шатунов.

— Русский? — уточнил врач, доставая из кармана халата потрепанный блокнот.

— Да.

Врач записал имя и задумчиво почесал карандашом кончик крупного носа.

— Где я? — повторил я свой вопрос, так и оставшийся без ответа.

— Что? — встрепенулся медик. — А! Вы в больнице.

Я шумно вздохнул и уставился в потолок.

— Что со мной, доктор? — спросил, заранее ожидая услышать какую-нибудь неудобоваримую медицинскую терминологию, но вместо этого врач спросил:

— Можете пошевелить рукой или ногой?

— Нет.

Медик нервно потупился.

— Одна из пуль попала в позвоночник. Вероятно, был поврежден спинной мозг, и вы останетесь парализованным до конца жизни.

— Чушь! — выругался я и зашипел от всколыхнувшейся в голове боли.

— Сохраняйте спокойствие! — потребовал врач. — Диагноз еще не окончательный!

— Я должен связаться с поверенным. Я достаточно состоятелен и могу позволить себе лучших специалистов!

— Вам придется поговорить об этом с профессором.

— Вы должны передать мое сообщение поверенному!

— Единственное, что я должен, — перебил меня врач, — это осмотреть раны и скорректировать курс лечения. Только и всего! Все остальное вам предстоит обговорить с заведующим отделением!

— Так позовите его! — сорвался я на крик.

— Профессор осмотрит вас, как только у него появится свободное время, — объявил медик и распахнул дверь, позволяя санитару закатить в палату тележку с хирургическими инструментами, бутылочками с лечебными растворами и мотками бинтов.

— Я хочу видеть профессора немедленно! — потребовал я, срываясь на крик. — Прямо сейчас! Ясно вам?!

— Всеу свое время, — отрезал медик, взял железную кружку и поднес к моим губам: — Пейте! Вы должны выпить это!

— Что это?

— Пейте!

Сложно сопротивляться, когда не чувствуешь собственного тела. Санитар слегка приподнял мою голову, и волей-неволей пришлось глотать влитую врачом горькую микстуру. Плевать и давиться из одного только желания показать собственную независимость я не стал. Лишь пожалел с какой-то нечеловеческой даже тоской об утраченной возможности обращаться зверем.

Впрочем, в этом случае серебряные пули прикончили бы меня прямо на мосту...

В лекарство был добавлен какой-то наркотический препарат; очень скоро накатило ватное оцепенение и нестерпимо захотелось спать. Наверное, это было и к лучшему: санитар себя долгим отмачиванием бинтов не утруждал, и, оставаясь я в сознании, перевязка стала бы сущей пыткой...

Очнулся я с головной болью и лихорадочным сердцебиением. Во рту пересохло настолько, что едва ворочался распухший язык. И, ко всему прочему, очнулся я полностью дезориентированным в пространстве и времени.

Не знаю — где, понятия не имею — когда.

Что за больница и как долго я в ней нахожусь?

И выяснить это было не у кого. Да и смогу ли выдавить из себя хоть слово?

А если паралич распространится выше и затронет речевой аппарат?!

Мысль эта пронзила смертельным ужасом, я глубоко задышал, потом расплылся в механической улыбке и почувствовал, как лопнула пересохшая губа.

Так себе утешение, но, по крайней мере, собственной мимикой я еще владел.

После этого я попытался согнуть пальцы правой руки и неожиданно легко сделал это.

В изумлении приподнял голову, посмотрел на кисть и досадливо выругался: все пальцы до единого оказались разжаты. И, сколько ни пытался ими пошевелить, ничего из этого так и не вышло.

Вновь с головой захлестнула волна липкого колючего страха.

Беспомощность — это ужасно. Ты целиком и полностью зависишь от других людей и никогда не знаешь наперед, как они решат с тобой поступить.

Меня затрясло, и тотчас послышался легкий шорох, будто кто-то легонько поскребся в дверь. Кто-то с длинными острыми когтями и очень-очень голодный. Дверь дрогнула, скрипнула и вдруг толчком распахнулась.

Сердце сжалось, на висках выступил пот, но уже миг спустя накатило несказанное облегчение. Это не мой талант сиятельного сорвался с цепи, а просто наступило время перевязки и пришли санитары.

На этот раз их было двое: знакомый уже бугай с обезьяньими длинными руками и новенький — морковно-рыжий и с бугристым лицом, по форме напоминавшим орех кокоса.

Мне смочили губы и дали напиток, а потом в четыре руки аккуратно и вместе с тем уверенно переложили с койки на каталку.

— Тяжелый! — удивился рыжий.

— Усохнет, — со знанием дела ответил бугай.

Меня от этих слов откровенно покорило.

— Куда? — спросил я. — Куда вы меня везете?!

— К патрону, — ответил санитар, вероятно имея в виду профессора.

Парни выкатили каталку с безбожно скрипящим колесиком в длинный темный коридор, и я приподнял голову, желая разглядеть обстановку, но смотреть оказалось не на что. Голая штукатурка стен, запертые двери, зарешеченные окошки под потолком.

Полная неопределенность.

Но ничего — вот поговорю с профессором, и все будет хорошо.

Впрочем, будет ли? Никак не удавалось избавиться от ощущения, будто нахожусь в тюрьме. Всюду решетки и усиленные железными пластинами дверные косяки. К чему такие меры предосторожности в обычной больнице? Ну вот к чему, а?

И все же меня катили именно по больничному коридору, и никак иначе. Дело было в запахе; кто хоть раз бывал в лечебных заведениях, узнает его сразу. Пахучие лекарства, едкая дезинфекция и еще нечто неуловимое, чем обычно пахнет болезнь. И не банальная осенняя простуда, а затяжной выматывающий недуг на последней стадии, когда излечения ждать уже не приходится и впереди — одна лишь агония.

Запах напугал, мне окончательно сделалось не по себе. Я бы непременно соскочил с каталки и натворил глупостей, если б только мог.

Но я не мог и дьявольски об этом жалел.

Санитары остановили каталку перед кабинетом с табличкой «профессор Карл Т. М. Берлигер». Наименование учреждения указано не было; пока парни ожидали ответа на стук в дверь, я рассмотрел и эту надпись, и соседние двери.

— Входите! — послышалось изнутри после изрядной заминки, и тогда санитары сноровисто закатали каталку в узкий дверной проем и замерли в ожидании дальнейших распоряжений.

— Ставьте к стене! — распорядился господин средних лет с худощавым и умным лицом человека с хорошей наследственностью. Пиджак хозяин кабинета убрал на вешалку и теперь стоял у рабочего стола в белой сорочке с накрахмаленным воротничком, темно-синих отутюженных брюках, чьими стрелками можно было порезаться, и начищенных до блеска черных кожаных туфлях.

На ум пришло одно-единственное слово: «денди».

Но все это я отметил уже после того, как санитары придвинули каталку к дальней стене и покинули кабинет. В первую очередь мое внимание привлекло единственное окно кабинета, которое было забрано решеткой, как заведено в тюремных больницах. Это дало определенную пищу для размышлений, но с выводами я решил не спешить по той простой причине, что в остальном ничего необычного в обстановке не заметил: стол, шкаф, секретер. На стене — портрет ее величества императрицы Виктории с траурной лентой в уголке.

Так сразу и не понять, частная это клиника или государственная лечебница.

А профессор тем временем снял трубку телефонного аппарата и попросил:

— Доктор Эргант, зайдите ко мне. Да, это по нашему новому пациенту.

Вернув трубку на рычажки, он подошел к каталке и не сумел удержаться от брезгливой гримасы. Пахло от меня и в самом деле не лучшим образом, но никакого смущения по этому поводу я не испытал и сразу взял быка за рога:

— Где я нахожусь?

— В больнице, — спокойно ответил профессор Берлигер и улыбнулся. — Разве это не очевидно?

— В какой именно больнице я нахожусь?

— Ответьте лучше, как вы себя чувствуете? — перебил меня хозяин кабинета. — Боль или головокружение ощущаете?

— Ощущаю, — подтвердил я, поскольку самочувствие и в самом деле оставляло желать лучшего. Мысли путались, никак не удавалось сосредоточиться на чем-то одном, душу подтачивал изматывающий страх.

— Сухость во рту? Дать вам воды?

Меньше всего мне хотелось принимать подобные подачки, но пришлось наступить на горло собственной гордости.

— Дайте.

Профессор наполнил из графина стакан, напоил меня и поинтересовался:

— Чувствуете свое тело ниже ключиц?

— Не важно! — оскалился я, приподнял голову с каталки и потребовал: — Мне нужно поговорить с поверенным!

Берлигер убрал пустой стакан на подоконник и развел руками.

— Боюсь, не могу позволить вам этого сделать.

— Что значит — не можете? — опешил я.

— Общение пациентов с внешним миром запрещено правилами заведения.

— К дьяволу ваши правила! Позвоните моему поверенному немедленно!

— И не подумаю.

— Вы не имеете права удерживать меня помимо моей воли!

— А вот тут вы заблуждаетесь! — ответил профессор, взял со стола какой-то листок с синей гербовой печатью и поднес его к моему лицу. — Вердиктом судьи округа Кулон вы направлены на принудительное лечение в связи с острым расстройством критического мышления, представляющим опасность для окружающих.

Строчки перед глазами плясали и расплывались, и я лишь выдохнул:

— Что за ерунда?!

— Цитирую: «находясь в бессознательном состоянии, пациент высказывал угрозы и оскорбления в адрес ее императорского величества, перемежая их экстремистскими заявлениями религиозного характера».

— Нет! — рыкнул я. — Все было совсем не так! Я помню вас, вы заплатили, чтобы забрать меня сюда!

— На фоне ранения у вас развилось параноидальное расстройство психики.

— Дайте мне позвонить поверенному!

— Вы пробудете в нашей клинике до полного исцеления.

— Слушай, ты! — осканился я. — Если не дашь позвонить, я тебя убью!

Профессор посмотрел на меня с неприкрытым презрением.

— Угрозы вам не помогут.

— Вовсе нет, — улыбнулся я, и по лопнувшей губе вновь заструилась кровь. — Это никакая не угроза.

— Что же это тогда?

— Обещание, профессор. Простое обещание.

Я потянул за краешек всколыхнувшегося в душе Берлигера страха, но в моей крови было слишком много морфия, и сосредоточиться на фобиях профессора не получилось. Головокружение сменилось острой головной болью, пришлось закусить губу и зажмуриться.

— Ваше заявление будет занесено в историю болезни, — пообещал Берлигер, и в этот момент в кабинет без стука вошел врач, который уже осматривал меня прежде.

— Вколите пациенту успокоительное, — распорядился профессор.

Доктор Эргант не стал интересоваться причиной такого решения, выставил на стол кожаный саквояж, приладил на стеклянный шприц новую иглу и наполнил его раствором морфия.

— Перестаньте! — потребовал я, но без толку. — Перестаньте немедленно!

Врач сделал инъекцию и повернулся к хозяину кабинета.

— Что-то еще, профессор? — спросил он.

— Полагаете, пациент готов к процедурам?

— Удивительно сильный организм, — ушел от прямого ответа доктор Эргант. — Раны заживают чрезвычайно быстро. В этом нет ничего сверхъестественного, но сталкиваюсь со столь мощной регенерацией впервые.

— Да или нет? — поставил профессор вопрос ребром.

— О, простите! — смутился врач. — Я отвлекся. Да. Без всякого сомнения — да. Можно начинать.

Я должен был спросить, что именно можно начинать. Я просто обязан был это сделать, но не смог.

Морфий в один миг разошелся по крови, стены кабинета исчезли, потолок выгнулся и превратился в купол серого из-за дымной пелены небосвода. Кругом, насколько хватало взгляда, простиралась выжженная, спекшаяся и покрытая пеплом земля. Кое-где продолжали плевать огнем лужицы горячей жижи. Стоял удушливый запах серы, но дышалось при этом на удивление легко, жар совсем не ощущался, а глаза не слезились из-за едкого дыма.

Но все было еще впереди: я просто еще не провалился в видение до конца; откуда-то издалека продолжали доноситься голоса врачей, а через серое марево все так же просвечивал светлый прямоугольник окна.

— Ты и в самом деле убил его?

Я резко обернулся и вскинул руку, прикрывая от нестерпимого сияния глаза. Возникший за спиной силуэт человека был ослепительно-белым, словно его прорезали в сновидении напрямую в сердце солнца.

— Так ты убил его? — Станный голос, казалось, прозвучал в самой моей голове.

— Кого именно? — ответил я вопросом на вопрос. — Я много кого убил...

Доза морфия и нереальность происходящего развязали язык, ну да и что с того? Ни один суд не примет сказанные в подобной ситуации слова в расчет.

В подобной ситуации? Я только сейчас осознал, что стою полностью обнаженным посреди сожженной огненным дождем степи, босые ступни сминают рыхлый горячий пепел, а мне ничуть не жарко. И даже сияние странного собеседника перестало резать глаза.

Это был мой сон, и мне было в нем хорошо.

Дьявол! Здесь тело вновь повиновалось мне, как и прежде!

Ну почему морфий не решает всех проблем в реальной жизни?!

— Убил многих? — Силуэт человека едва заметно задрожал. — И скольких из них ты задушил? У многих ли при этом были связаны руки?

— Ты что, моя совесть? — оскалился я и немедленно схлопотал пощечину.

В следующий миг последовал новый удар, а потом наркотическое видение разлетелось на куски, и я вновь оказался в кабинете профессора.

— Ну и напугали вы нас, Лев, — шумно выдохнул доктор Эргант и вытер со лба пот замызганным носовым платком.

— Если пациент восстанавливается так быстро, как вы говорите, в инъекциях морфия больше нет необходимости, — решил Берлигер, подравнивая тоненькой пилочкой идеально ровные ногти.

— Приму к сведению, профессор, — не стал оспаривать это решение врач и распахнул дверь кабинета. — Люсьен, Джек! Поместите пациента в третью палату.

Санитары переглянулись, и тот, что был помощнее, уточнил:

— В третью? Уверены, доктор?

— Да, Люсьен, уверен.

— Как скажете, доктор.

Меня вывезли из кабинета профессора и покатали по коридору, но очень скоро тележка свернула в боковой проход и остановилась перед закрытой дверью. Люсьен отцепил с пояса связку ключей и отпер замок, тогда рыжий Джек направил каталку на уходящий вниз пандус.

— Ну почему лифт в подвал не ходит? — просипел он, с натугой удерживая тележку от стремительного заезда вниз.

Люсьен с улыбкой пихнул его под ребра, и рыжий санитар от неожиданности разжал руки. Каталка понеслась в подвал, ее едва успели перехватить, прежде чем случилось

столкновение с перегородившей проход решеткой.

— Все развлекаетесь? — покачал головой охранник в серой униформе и с полицейской дубинкой на поясе, отпирая дверь.

— Кто бы говорил! — хмыкнул Люсьен и похлопал напарника по спине. — Кати, Джек. Кати!

И каталку втокнули под каменные своды жутковатого подвала.

Скрипящее колесико насадно надрывалось, но его визгливое подвигание было не в силах перекрыть глухие удары в двери палат, мимо которых меня провозили. Санитары не обращали на дробный перестук никакого внимания; такое поведение пациентов здесь явно было в порядке вещей. Как и пронзительные стоны. Или не стоны даже, а бесконечный заунывный вой, все тянувшийся и тянувшийся на одной и той же ноте. На фоне этого завывания как-то даже не пугали резкие вскрики и отдельные нечленораздельные возгласы.

Мощные электрические лампы под потолком слепили глаза, их свет добавлял происходящему дополнительную реальность, не давая списать жутковатые подробности, вроде плохо затертых бурых брызг на одном из простенков, на не в меру разыгравшееся воображение.

И запах. Здесь уже пахло не болезнью, а безумием в чистом, если не сказать дистиллированном, виде.

Мне никогда раньше не доводилось бывать в психиатрических клиниках, но сейчас я нисколько не сомневался, что угодил именно в одно из этих страшных заведений. Впрочем, а куда еще могли поместить человека с моим диагнозом?

Когда за дверью одной из палат раздался сбивчивый речитатив мольбы ко всем и вся о скорой смерти, я не выдержал и обратился к санитарам.

— Парни, как вам заработать по сотне на брата? — спросил их, желая прощупать почву. — Просто передайте весточку моим близким. Они заплатят. А как только меня вытащат отсюда, получите еще тысячу. Как вам такое, а? Это же целая куча денег!

— Когда тебя вытащат отсюда? — заржал рыжий Джек. — Чудак, это «Готлиб Бакхарт», никто тебя отсюда не вытащит! Отсюда выходят только вперед ногами!

Я так и обмер. На момент своего строительства эта клиника преподносилась прессой верхом гуманизма, ведь в многочисленных частных лечебницах того времени условия содержания душевнобольных были воистину чудовищными. Любой душегуб с радостью шел на каторгу, поскольку направление на принудительное лечение являлось, по сути своей, завуалированным смертным приговором.

Предполагалось, что Психиатрическая больница имени Готлиба Бакхарта будет лишена вопиющих недостатков заведений подобного рода, но в результате она стала сосредоточением их всех. По крайней мере, слава об этом месте ходила самая дурная. И в немалой степени из-за жестокости персонала.

Сбросив вызванное столь неприятным известием оцепенение, я какое-то время собирался с решимостью, потом проникновенно произнес:

— У меня есть связи. Мне помогут. А вы получите...

— Закрой рот! — негромко и с некоторой даже ленцой потребовал Люсьен, но так, что перечить моментально расхотелось. — Закрой сам или я тебе помогу. И поверь, тебе это не понравится. У меня по этой части обширная практика!

Я поверил и замолчал.

Противопоставить грубой силе санитаров я ничего не мог, а интуиция, здравый смысл,

житейский опыт и выработанное за годы службы в полиции умение разбираться в людях сейчас в один голос твердили: «Этот человек не шутит, и тебе тоже не следует с ним шутить».

Поэтому я не стал торопить события, решив вместо безыскусного и прямолинейного подкупа постараться отыскать среди персонала слабое звено. Люди везде одинаковые, рано или поздно мне улыбнется удача. Лишь бы не оказаться этим самым слабым звеном самому...

Новая палата — или же камера? — оказалась меньше прежней и напоминала вытянутый пенал с голыми каменными стенами. Санитары втолкнули каталку в узкий дверной проем, полностью перегородив при этом проход к койке второго пациента, и переложили меня на кровать у боковой стены, не забыв поставить под нее утку.

Сосед при появлении санитаров в один миг соскочил с кровати, забился в угол и принялся что-то сбивчиво шептать себе под нос. Лицо он прятал в ладонях, видна была лишь бритая макушка.

— Не бойся, он тихий, — посмеялся рыжий Джек, похлопал меня по щеке и вслед за напарником вышел в коридор. Захлопнулась дверь, лязгнул засов.

Я остался с психом один на один, но никакого беспокойства по этому поводу не испытывал, поскольку лодыжка моего соседа была прикована к стене стальной цепочкой, прочной на вид и не слишком длинной.

До меня он дотянуться никак не мог, и это было просто здорово. Стоило лишь санитарам выйти за дверь, шепот зазвучал громче и стал складываться во вполне различимые слова:

— Электричество — дьявол. Электричество — дьявол. Электричество — дьявол.

И так безостановочно, не смолкая ни на минуту, ни на миг.

Кожа на бритой наголо голове была покрыта воспаленными струпьями, больничная роба выглядела грязной и поношенной. И запах. Пахло в камере просто омерзительно, и я вовсе не был уверен, что источником вони служило одно лишь отверстие канализационного слива.

А сосед никак не унимался и продолжал бормотать:

— Электричество — дьявол...

Размеренный речитатив не давал расслабиться и задремать; я не выдержал и в сердцах выругался:

— Да заткнись ты!

Тогда псих отнял ладони от бледного и осунувшегося лица и посмотрел на меня, словно увидел первый раз. Он посмотрел на меня, я на него и сразу отвел взгляд, но хватило и этого краткого мига, чтобы по коже побежали мурашки.

Дело было в глазах. В совершенно прозрачных глазах, словно выточенных из двух одинаковых стекляшек. Казалось, посмотри в них — и заглянешь прямиком в мозг.

Это было неправильно. Совершенно неправильно. У сиятельных глаза бесцветно-серые, иногда они слегка светятся в темноте, но никогда мне еще не доводилось видеть столь кристально-чистых зрачков, лишенных малейших намеков на цвет.

Я не знал, стало подобное уродство следствием психического расстройства или проявилось в ходе лечения от него, и мог лишь уповать, что со мной этого не приключится.

Так себе надежда...

Утром разбудили санитары. Точнее, не разбудили даже, а попросту ухватили за руки и за ноги и переложили с койки на каталку. Рыжий при этом так сильно стиснул мои запястья, что на коже от его пальцев остались синяки.

Больно не было, я вообще почти не чувствовал своего тела, а потому протестовать не стал. Как не стал повторять вчерашнюю попытку подкупа санитаров. Это больше не казалось хорошей идеей.

— Куда вы меня везете? — спросил я вместо этого.

— Куда надо, — коротко бросил Люсьен, запирая дверь камеры.

— Тебе понравится, — объявил рыжий Джек, своей недоброй улыбкой уверяя меня в обратном.

На этот раз тележку покатали не в кабинет профессора Берлигера, а в противоположном направлении. Вскоре коридор вывел в небольшой холл с несколькими прикрученными к полу столами и лавками, там подметал пыль то ли наемный работник, то ли кто-то из пациентов. Я не разглядел — санитары сильно разогнали каталку, нисколько не беспокоясь, что любое случайное столкновение неминуемо перевернет ее набок.

Тишину клиники вдруг пререзал протяжный вопль, но никто не обратил на крики буйного пациента ни малейшего внимания. Джек спокойно распахнул дверь с табличкой «Лаборатория», а Люсьен втолкнул каталку в залитое ярким сиянием электрических ламп помещение и спросил:

— Куда ставить, доктор?

— Вплотную к генератору, — указал Эргант на массивное устройство в углу комнаты. —

И зафиксируйте пациента ремнями.

Санитары выполнили распоряжение и покинули лабораторию, тогда врач приблизился к каталке и с тяжелым вздохом покачал головой.

— Подкуп персонала — это плохо, очень плохо, — осуждающе проговорил он.

— Плохо? — оскалился я. — Я просто хочу связаться с родными! Это запрещено?

— Любое общение с внешним миром возможно лишь с санкции заведующего отделением, а профессор Берлигер полагает, что сейчас это не пойдет вам на пользу.

— Чушь собачья!

— Таковы правила. В следующий раз простым предупреждением дело не ограничится.

Я рассмеялся.

— И что вы сделаете? Оставьте меня без сладкого?

— Мы не столь снисходительны к нарушителям дисциплины! — веско ответил доктор Эргант и наполнил какой-то остро пахнущей анисом жидкостью железную кружку с обколотой эмалью. — Вам надо выпить это лекарство!

— Что за дрянь? — спросил я, но врач не посчитал нужным ответить.

Расчетливым движением он влил содержимое кружки мне в рот, и я едва не подавился, глотая воду с горьковато-анисовым привкусом незнакомой микстуры.

Затем доктор Эргант взглянул на вытасканные из кармана часы, отошел к столу и принялся что-то писать. Видимо, заполнял медицинскую карту.

— Зачем меня привязали? — окликнул я его. — Я же парализован!

— Все мое время, — ответил врач, не отрываясь от своего занятия, и ничего больше

не сказал. На разговоры с пациентом он настроен не был.

Приподняв голову, я принялся рассматривать заставленную оборудованием лабораторию, и в глаза сразу бросились банки с заспиртованными внутренними органами на полках и хирургический стол в углу с облицованными белой кафельной плиткой стенами и полом. На миг почудилось, будто угодил в логово безумных ученых-вивисекторов из какой-нибудь бульварной книжонки, но нет, логовом безумных ученых эта лаборатория не была. Это был «Готлиб Бакхарт».

Лишенную окон комнату освещали электрические лампы, и чем сильнее шумело в голове после влитой в меня микстуры, тем ярче и пронзительней становилось их сияние. Я сощурился и постарался разглядеть приборы у противоположной стены, но застекленные окошки с неподвижными стрелками, многочисленные переключатели, витки кабелей и цепи электрических банок ничего мне не говорили.

А потом запахнулась дверь, и к нам присоединился профессор Берлигер.

— Пациент готов? — с порога поинтересовался он.

— Да, профессор.

— Уже дали ему состав?

Доктор Эргант взглянул на карманные часы и сообщил:

— Четыре минуты назад. Перорально.

— На голодный желудок? Тогда не будем терять времени!

Профессор Берлигер снял и убрал пиджак на вешалку, взамен накиннул на плечи белый халат. Потом он хрустнул костяшками длинных тонких пальцев и, наконец, обратился ко мне:

— Вы, должно быть, сейчас ужасно напуганы, но уверяю — бояться совершенно нечего. Пройти курс лечения — в ваших собственных интересах.

Я промолчал. У меня были большие сомнения в искренности профессора.

Того мое молчание всецело устроило.

— Вы глубоко больны, — продолжил он свой монолог. — Вы больны с самого рождения, но не отдавали и до сих пор в полной мере не отдаете себе в этом отчет. Ваше сознание поражено тяжелым психическим расстройством, и мой долг — вернуть вам ясность мысли и трезвость рассудка. Не только вам, но и всем остальным сиятельным!

— О чем вы?! — опешил я.

— Традиционно считается, что корень бед сиятельных заключен в их крови. Будто именно в ней растворен некий яд, наделяющий людей противоестественными способностями. Увы, это не так! опыты по полной замене крови сиятельных на кровь нормальных людей успехом не увенчались. Равно как не привело ни к каким результатам и обратное переливание крови. И ни одной научной лаборатории, ни одному ученому-естествоиспытателю до сих пор так и не удалось выделить из крови сиятельных некую уникальную составляющую! А почему? Ответ прост: дело вовсе не в этом!

Щеки профессора покраснелись, сейчас он походил на истосковавшегося по лекциям университетского преподавателя. И хоть вещал Берлигер о каких-то немислимых, просто запредельных вещах, но ни в малейшей степени не смущался тем, сколь безумно звучат его слова.

— Но если не кровь, тогда что? — продолжил профессор. — Ответ может быть только один: мозг! Дело в человеческом мозге, этом кладезе самых невероятных загадок! Именно там скрывается проклятие сиятельных!

Тут я не выдержал, приподнял голову и оборвал этот дьявольский монолог:

— Нет никакого проклятия! Оставьте меня в покое!

Доктор Эргант взял отложенные на край стола часы и сделал в медицинской карте какую-то лаконичную пометку.

Профессор Берлигер только покачал головой.

— Вы ущербны и даже не понимаете этого. Сиятельные — рудимент ушедшей эпохи. Квинтэссенция всего антинаучного, что только есть в этом мире. Сиятельные отравляют наше общество и тормозят движение по пути прогресса. Одним только фактом своего существования они смущают неокрепшие умы и толкают их на путь мистицизма.

— За такие слова и в тюрьму угодить недолго. Третий департамент...

— Все здравомыслящие люди в той или иной степени разделяют эти воззрения! — резко перебил меня профессор. — У нас хватает единомышленников даже в полиции! И не стоит угрожать мне Третьим департаментом, в отличие от многих других, я категорически не приемлю идею физического истребления сиятельных. И дело не в ложном гуманизме, а в необходимости найти научный подход решения этой проблемы. Убить легко. Вот только убийство не поможет отыскать истину, не даст ключ к загадкам мироздания! Это примитивно, в конце концов! — Берлигер натянул резиновые перчатки и вздохнул. — Ваша роль в моих научных трудах будет по достоинству оценена, можете не сомневаться. Вам это должно льстить. Когда за эти исследования впоследствии мне вручат Нобелевскую премию, будьте уверены — я не забуду упомянуть с высокой трибуны ваше имя.

— Идите к черту!

Профессор прикрыл свое лощеное лицо марлевой повязкой и негромко рассмеялся.

— Это была шутка. Но вам не о чем волноваться. Моя цель — излечить, а не навредить.

— Поищите других подопытных кроликов!

— В вашем случае стоило упомянуть подопытных крыс! — резко бросил в ответ Берлигер. — И чего вы так всполошились? Вы ведь верите в бессмертие души, правильно?

— Верю, — подтвердил я, пересиливая подкраившуюся вдруг сонливость.

— Так что тогда вам до смертной плоти? Вашей пресловутой душе электромагнитное излучение не повредит, ведь так?

— Сложно повредить тому, чего не существует, — неприятно рассмеялся доктор Эргант, поднимаясь из-за стола.

Профессор погрозил ему пальцем и вновь обратился ко мне:

— Вы и в Создателя верите? В рай и ад? В ангелов небесных и Спасителя?

— Верю, — упрямо ответил я.

— Какая незамутненность сознания! — покачал головой Берлигер и предупредил коллегу: — Непременно отметьте этот момент в медицинской карте. Необходимо оценить, как скоро скажется лечение на пациенте со столь серьезным расстройством критического мышления.

— Непременно отмечу, профессор, — пообещал доктор, взял расческу и ножницы и принялся остригать мне волосы.

— Какого дьявола вы творите?! — возмутился я, но мой возглас попросту проигнорировали.

— Какой метод изберем на этот раз, профессор? — поинтересовался Эргант.

Берлигер бросил возиться с эластичными лентами с железными контактами, от которых к генератору уходил моток изолированных проводов, ненадолго задумался и решил:

— Электрическая стимуляция не дает должного эффекта, на этот раз попробуем

магнитное излучение.

— Как и прежде, сосредоточимся на задней части средней фронтальной коры?

— Да, посмотрим, какие результаты даст подавление активности этого участка вкупе с более интенсивным медикаментозным воздействием.

Глаза слипались, лаборатория раскачивалась и тонула в сером мареве, но, прежде чем провалиться в глубокий сон, я ощутил, как на голову мне нацепили странную конструкцию из эластичных лент и железных блях, которую подготовил профессор.

Миг спустя я провалился в сон и вновь очутился посреди выжженной серным дождем степи, но едва неподалеку возник уже знакомый безликий силуэт, как реальность сновидения задержалась, перекрутилась и обернулась сотканной из электрических разрядов пустотой.

Меня начали лечить от самого себя...

Очнулся я под скрип расшатанного колесика больничной каталки. Но разбудил меня не этот противный звук, а сильный озноб. Пока пребывал в бессознательном состоянии, меня успели вымыть, и теперь больничная рубашка липла к мокрому телу, было холодно и неприятно.

Что именно послужило поводом для водных процедур, я не знал, но электрические разряды вполне могли вызвать опорожнение мочевого пузыря или кишечника.

Разряды! Я вспомнил о навязанном мне лечении и шумно выдохнул. Вот дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Меня ведь так до смерти залечат! А если и не до смерти, из клиники точно не выпустят, вне зависимости от того, увенчается эксперимент безумного профессора успехом или нет.

Надо что-то делать. Надо...

Но пока все, что я мог, — это лежать на каталке. Еще мог дышать и моргать, говорить и слушать. Думать. Чего я не мог — так это встать и пойти. И даже воспользоваться собственным талантом был больше не в состоянии: морфий и лекарства лишили меня ясности мышления, голову словно затянул непроглядный туман.

В палате санитары привычно ухватили меня, чтобы переложить на койку, но на этот раз пальцы Джека неожиданно разжались, и я со всего маху рухнул спиной и затылком на каменный пол. Больно не было, только с шумом вырвался из легких воздух.

Люсьен в сердцах отпустил мои ноги и мрачно уставился на рыжего напарника.

— Завязывай! — потребовал он.

— А что такое?

— Без меня. Понял?

— Как скажешь...

Санитары вновь взяли меня за руки и за ноги и переложили на койку, потом вытолкнули каталку в коридор и двинулись ко второму пациенту.

— Нет! — крикнул тот, срываясь с койки, забился в дальний угол и закрылся руками. — Нет! Электричество — дьявол!

Парни легко повалили умалишенного на пол, упаковали в смирительную рубашку и лишь после этого сняли ножные кандалы. Мой сосед отчаянно сопротивлялся, но против двух дюжих санитаров у него не было ни единого шанса, и вскоре его проволокли на выход.

И тогда в глаза бросилось то, на что раньше просто не обращал внимания: в бритую голову бедолаги были вживлены металлические электроды, кожа вокруг которых покраснела

и гноилась.

— Электричество — дьявол! — надрывался псих, некогда бывший сиятельным, и я с содроганием понял, что он не так уж и далек от истины.

В моем случае милости от электричества ждать и в самом деле не приходилось.

Всеблагое? Скорее уж карающее...

Захлопнулась дверь, лязгнул замок, и я остался в одиночестве. Закрытая решетчатым плафоном лампочка под потолком вдруг замерцала, словно сеть перегрузил какой-то мощный прибор, и стало ясно, что это настиг соседа его электрический демон...

На следующий день я проснулся с гудящей головой, жуткой болью во всем теле и не менее жутким голодом. Проснулся не от обычного уже бормотания соседа, а из-за выдохнутой в лицо струи вонючего папиросного дыма.

— Вот человек со связями и покурил, — добродушно улыбнулся рыжий Джек, но глаза его остались злыми и холодными. — А теперь самое время позавтракать.

Санитар начал кормить меня с ложечки, да так неловко, что вскоре подушка промокла от попадавшей мимо рта баланды. Вчерашнее падение вовсе не было случайным, выродку просто нравилось изводить меня. А я... из-за жуткой головной боли я даже не мог дотянуться до его страхов!

После завтрака меня вновь повезли в лабораторию. Все было как вчера, только теперь холл оказался заполнен пациентами. Умалишенные поглощали больничную еду в полной тишине, большинство из них были с забинтованными головами.

И тогда я понял, что рано или поздно профессор трепанирует череп и мне.

От осознания этого к горлу подкатил комок тошноты, а сердце застучало часто-часто, да так и колотилось как безумное всю дорогу до самой лаборатории. Унялось лихорадочное сердцебиение, лишь когда доктор Эргант закрепил на моей голове громоздкую конструкцию из кожаных лент и металлических пластин. Сверлить череп пока не стали.

Но как долго профессор будет воздерживаться от лоботомии, я не знал и знать не мог. И эта неопределенность пугала. Меня вообще много что пугало в этом проклятом месте.

— Ремни, — напомнил профессор Берлигер ассистенту, когда тот подсоединил провода к электрическому генератору.

Врач спохватился и сноровисто закрепил прочными крепежами мои запястья и лодыжки. И тогда я увидел синяки.

Затягивали ремни не слишком сильно; только лишь из-за них появиться подобные отметины на коже никак не могли, а значит, я дергался. Дергался под разрядами электрического тока, словно и не был парализован...

Додумать до конца я эту мысль не успел: доктор Эргант влил мне в рот вчерашнее лекарство, мысли сразу начали путаться и стали слипаться глаза. Сегодня микстура подействовала несказанно быстрее, нежели вчера.

— Верите в воскрешение из мертвых? — с нескрываемой усмешкой спросил профессор Берлигер.

— Всем сердцем, — наперекор всему ответил я, уплывая в наркотическое забытие.

— Доктор Эргант, напряжение... — послышалось из неведомой дали, и мой сон в один миг исчертили ослепительные разряды молний.

На процедуры меня возили дважды в день, утром и вечером. Пичкали лекарствами, стягивали голову кожаными ремнями с металлическими бляхами и подавали на них напряжение. Мой череп, в отличие от головы бедного соседа, пока остался в неприкосновенности, и даже до ожогов дело доходило лишь изредка. Полагаю, случилось это, когда профессор терял терпение и приказывал ассистенту увеличить напряжение до предела.

Всякий раз во время электротерапии мышцы дергались и тряслись, да так, что на запястьях и лодыжках оставались ссадины и кровоподтеки от ремней. Обычно судороги продолжались еще какое-то время после этих дьявольских процедур, и тогда у меня получалось сжать и вновь распрямить мизинец левой руки.

Сжать и распрямить. Сжать и распрямить. Сжать и распрямить.

Вскоре это стало получаться уже без всяких судорог, и долгими бессонными ночами я возвращал себе контроль над собственным телом.

Мизинец, безымянный, средний.

Указательный и большой.

Запястье.

Понемногу удалось восстановить подвижность всей левой руки, но дело продвигалось чрезвычайно медленно, и у меня не было никакой уверенности, что успею довести задуманное до конца, прежде чем свихнусь или окончательно разочарую профессора. Но я старался. Старался, старался и старался.

В остальном все было плохо. Нутро грызла боль, полностью пропал сон, на душе было тоскливо и мерзко. Выбравший меня своей жертвой рыжий санитар всякий раз выдумывал новые пакости, и уверен — лишь интерес ко мне профессора останавливал Джека от побоев. А так дело ограничивалось унижительными щипками и пощечинами, да еще пилюли этот поганец заталкивал мне в рот не по одной, а сразу все, с довольной улыбкой наблюдая за судорожными попытками их проглотить.

Худшее было впереди, я знал это наверняка. Некоторые люди просто не могут вовремя остановиться. Стоит им почувствовать свою власть над кем-то, и они давят и давят, пока не уничтожат жертву до конца, не раздавят и не сотрут в порошок. Или не получают в бок заточкой, но в моем случае исход был очевиден.

Еще недавно я с легкостью бы переломал подлецу все кости или докопался до самых потаенных его страхов и раздавил морально, но, к ужасу моему, лечение профессора чем дальше, тем больше приносило свои плоды. Я уже не мог управлять своим талантом сиятельного и даже не чувствовал его. Хуже того — я сам мало-помалу становился кем-то другим.

Когда человек теряет веру, он не выходит на многолюдный перекресток и не кричит Создателю, что его нет. Он просто начинает задумываться о том, как глупо и нелепо просвещенному человеку верить в нечто неуловимое для его органов чувств или новейших измерительных приборов.

Апостол Фома не смог вложить персты в раны Христа и все же преодолел свои сомнения без всякого материального подтверждения. Но над ним затмевали небеса своими крыльями падшие, а у меня не было ничего, кроме детских воспоминаний.

Они и помогали удержаться на самом краю. Дед и отец читали мне Новый и Ветхий Завет, пересказывали заповеди, объясняли на их примере, что есть хорошо, а что есть плохо. Если я откажусь от своей веры, разве это не станет предательством?

Предателем я быть не хотел.

И этой малости доставало, чтобы не впасть в отчаяние. Маленький огонек старых воспоминаний раз за разом разжигал костерок веры. Я отходил от края пропасти, но всякий раз после электротерапии вновь стоял на прежнем месте и глядел в бездну.

Уверен, и мои глаза стали совсем прозрачными, как у одержимого электрическим дьяволом соседа. Просто не было зеркала, чтобы убедиться в этом наверняка.

Впрочем, сосед по палате сдавал еще быстрее меня. Не знаю, какие опыты проводил над ним профессор, но со временем от бедолаги остался лишь обтянутый кожей костяк.

— Электричество — дьявол! — твердил и твердил он, словно вживленные в голову электроды не давали ему помыслить ни о чем другом.

Я старался не привлекать к себе его внимания. А когда забывался и начинал говорить что-то вслух, умалишенный приходил в ярость и бился в истерике. Как бился в истерике всякий раз, когда санитары выволакивали его на процедуры.

Однажды я спросил:

— Какого цвета электричество?

— Дьявол! — привычно отозвался умалишенный.

— Цвет! Ты видел его цвет?

— Дьявол! Дьявол! Дьявол!

И хоть талант сиятельного покинул меня, я не преминул воспользоваться фобией соседа.

— Видел, как сверкают в небе молнии? Яркие росчерки на темном фоне? Молнии — это электричество. У электричества цвет молний, — проникновенно произнес я. — Оно огненно-желтое, янтарно-рыжее. Электричество сияет расплавленной медью. Вот его цвет.

— Дьявол... — тихонько выдохнул умалишенный.

С тех пор я рассказывал ему об электричестве каждую ночь.

Спать я почти перестал, просто не мог забыться полудремой дольше чем на пару минут и обычно до самого утра разминал левую руку, которая повиновалась все лучше и лучше, а заодно общался с сокамерником. Вскоре он точно знал, как именно выглядит его дьявол. Меня это вполне устраивало.

Труднее всего было не выдать себя санитарам. Не шевельнуться, когда тебя не слишком-то аккуратно переключают на каталку, не ухватиться за койку, в очередной раз падая на пол, не дернуть рукой, закрываясь от тугой струи холодной воды.

Но я справлялся. Я не собирался подышать в «Готлиб Бакхарт».

Меня ждали великие свершения. Я верил в это изо всех сил.

А еще вспоминал Лилиану и гадал, как она восприняла мое исчезновение. Решила, что я бросил ее и сбежал от свадьбы, или поняла, что случилась беда? Я уповал на второй вариант. Иногда тоска наваливалась с такой силой, что останавливалось сердце, но раз за разом оно начинало биться вновь, и всякий раз тогда казалось, что это именно вера Лилианы поддерживает во мне жизнь.

Да так, наверное, оно и было...

Удача улыбнулась совершенно случайно. Тот день начался даже хуже остальных — под

утро я забылся в полудреме, а потом долго не мог понять, кто я такой и где нахожусь. Сердце билось с долгими перерывами, казалось, будто с левой стороны груди под ребрами находится одна лишь пустота. И даже мягкое касание веры Лилианы больше не могло согреть.

— Спекся человек со связями, — обратил внимание на мое состояние рыжий Джек.

— Нам легче, — только и хмыкнул Люсьен.

Вдвоем они переложили меня на тележку и только выкатили из камеры, как подвал огласил металлический перезвон тревожной сигнализации. Сжимая в руках электрические дубинки, мимо нас пронеслись два охранника, но почти сразу они прошли обратно уже без всякой спешки.

— Порядок, — сообщил один из них Люсьену. — Можете идти.

Меня покатили в лабораторию, и очень скоро навстречу попались незнакомые санитары, которые тащили носилки с накрытым простыней телом. Выглядывавшая из-под материи рука с неровно перерезанным запястьем безвольно моталась при каждом их шаге.

Кто-то соскочил...

В итоге на процедуру мы опоздали, и профессор Берлигер не преминул устроить санитарам разнос. В коридор те выскочили словно ошпаренные.

— Никакой ответственности! — возмущался заведующий отделением, направив мне в глаза луч электрического фонаря.

Читавший газету доктор Эргант промычал нечленораздельное согласие, а потом сообщил:

— С тех пор, как ее высочество две недели назад упала в обморок прямо во время приема, на публике она больше не появлялась. Ходят слухи, принцесса до сих пор пребывает в бессознательном состоянии.

— Состояние здоровья ее высочества оставляет желать лучшего, — подтвердил профессор.

— Кома?

— Вероятно. Но я воздерживаюсь ставить диагнозы на основании газетных статей и непроверенных слухов. И вам того же желаю.

— Разумеется, профессор. Разумеется, — смутился доктор Эргант.

Спроси кто меня — я бы сказал, что никакая это не кома, а попросту перестает биться пересаженное принцессе сердце. Мое вымышленное сердце.

Из-за электротерапии талант сиятельного донельзя ослаб, и я больше не обладал возможностью с помощью силы воображения воплощать в реальность образы из своей головы. И потому с теми, кто зависел от меня целиком и полностью, сейчас должны были твориться страшные вещи. Кронпринцесса Анна, Елизавета-Мария, тот же лепрекон...

— Нужен регент, новое правительство, перемены! Империя от этого только выиграет! — веско объявил профессор, повернулся ко мне и улыбнулся, но не по-доброму, а скептически, с неприятной ухмылкой. — А вы? По-прежнему верите в иудейские сказки?

Я промолчал, но Берлигер в ответах и не нуждался, каждую нашу встречу он первым делом оценивал состояние моих глаз и непременно заносил результаты в свой рабочий блокнот.

Я мог из чистого упрямства сохранить свою веру, но не в моей власти было продолжать оставаться сиятельным. Электротерапия день за днем превращала меня в обычного человека, и поделаться с этим ничего было нельзя.

— Надо увеличить содержание активного вещества! Дополнительное воздействие на

головной мозг снимет природную защиту и ускорит электромагнитное воздействие, — объявил профессор и посмотрел на увлекшегося чтением ассистента. — Доктор Эргант, где препарат? Вы приготовили его?

Врач поспешно отложил газету, на его широком лице промелькнуло смущение.

— Да-да, сейчас...

Но профессор Берлигер был человеком действия, промедления выводили его из себя. Досадливо фыркнув, он схватил со стола стеклянный стакан и принялся собственноручно отмерять в него какие-то порошки. Потом долил из графина воды, накапал опиумной настойки и стал яростно размешивать получившуюся суспензию мерной ложкой. Раствор быстро светлел, обретая привычную прозрачность.

Все это время доктор Эргант наблюдал за его манипуляциями с видом побитой собаки. У него даже не хватило смелости сообщить профессору, что для приготовления препарата тот использует его собственный стакан. Сам врач всегда пользовался в этих целях железной кружкой.

Оценив прозрачность раствора, Берлигер кинул мерную ложку на стол и склонился над каталкой.

— Вкус может показаться немного непривычным, — предупредил он, поднося стакан к моим губам.

Так оно и оказалось. Резкая горечь обожгла язык и небо, и мне даже не пришлось изображать приступ тошноты. Зубы сжались сами собой, тонкое стекло хрустнуло и расколосось. Профессор отдернул руку, но было поздно: во рту у меня оказалось полно острых осколков. Приподняв голову, я закашлялся и выплюнул их себе на грудь; по больничной робе растеклось пятно кровавой слюны.

— Эргант! — обернулся профессор к ассистенту, и этого краткого мига всеобщей неразберихи хватило мне, чтобы выдернуть кисть из широкой петли кожаного ремня, спрятать меж пальцев самый крупный осколок и вернуть руку на место.

Окровавленные стекляшки быстро смахнули на пол и смыли в канализационный сток ведром воды, затем тщательно осмотрели мой рот и обработали порезанную губу. После этого была приготовлена новая порция микстуры, и все пошло своим чередом, за одним небольшим исключением: мои пальцы стискивали осколок стекла. И это обстоятельство меняло решительно все. Точнее — должно было изменить.

Той ночью я первый раз поднялся с койки. Не совсем поднялся, просто ухватился левой рукой за спинку, напрягся и заставил себя сесть. И пусть я сразу завалился вбок и уткнулся плечом в холодную каменную стену, радости моей это нисколько не омрачило. Еще недавно я не был способен даже на такую малость. Впрочем, и сейчас тело было словно ватным, ноги не слушались, а правая рука едва-едва шевелилась.

— Дьявол... — донеслось от соседа по камере.

Порезанные осколками стакана губы начали кровить, я сплюнул на пол красную слюну и шумно выдохнул.

— Да! Сегодня я расскажу тебе о дьяволе. О дьяволе и о том, как его убить...

На ночь лампы в палатах выключали, и освещением служила лишь тоненькая полоска света, проникавшая из коридора в щель под дверь. В прежние времена этого бы хватило с избытком, но сейчас я видел в темноте не столь хорошо, как прежде, поэтому долго водил пальцами по деревянной боковине кровати, выискивая подходящую трещину.

— Дьявол! — напомнил о себе сосед.

— Да-да! — успокоил я его. — Сейчас!

Зажатым в пальцах осколком стакана я начал углублять и расширять трещину, чтобы подцепить ногтями острую щепку сантиметров в десять длиной и отодрать ее от деревянной боковины. Любое неверное движение могло расколоть стекляшку, приходилось сохранять величайшую осторожность, и работа подвигалась медленно. Но впереди у меня была вся ночь. Вся ночь и разговор о дьяволе.

Следующий день прошел как обычно. Процедура с утра, непонятная маета до вечерней электротерапии, затем — отбой.

Завтрак, обед, ужин.

Пилюли. Вынос утки.

Отвлечение.

А вечером, когда выключили свет, я не сумел заставить себя подняться с кровати, хотя намеревался оценить свои силы перед последним рывком. Просто лежал с открытыми глазами и бездумно смотрел в темноту.

Депрессия и меланхолия — это нормально, любой человек рано или поздно впадает в подавленное состояние духа, и большинство справляется с подобным состоянием без какой-либо помощи со стороны.

Другое дело — апатия, когда не просто ничего не желаешь делать, а вообще не видишь никаких причин для того, чтобы сдвинуться с места, лежишь и ждешь непонятно чего. И не думаешь даже, просто мысли сами собой крутятся в голове.

Завтра будет еще один день, ничем не отличимый от сегодняшнего. И послезавтра. И послепослезавтра. И еще. И так далее. А потом ты умрешь, и тебя не станет. Совсем.

Так чего ради вся эта суета?

Это очень страшно, если не хочется совсем ничего. Куда хуже, чем когда не можешь желаемого достичь. Так и с ума сойти недолго.

Или же — выздороветь и стать нормальным?

Верить лишь в то, что можно потрогать руками, и поклоняться могуществу науки?

Так ли это плохо на самом деле?

— Дьявол! — сказал мой безумный сосед. — Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Я промолчал. У меня не было никакого настроения говорить сегодняшней ночью о дьяволе. И вообще говорить о чем бы то ни было.

— Дьявол добрался до тебя, — вдруг выдал сокамерник на удивление связную фразу.

И это было действительно так. Дьявол действительно добрался до меня.

Электричество — дьявол!

От этой мысли я расхохотался так, что свело ребра от боли.

Воистину говорят, безумие заразно, а теряя веру, человек не становится лучше, просто появляется дополнительное место для фобий и страхов.

«Свято место пусто не бывает», — уверял меня отец, а он понимал толк в подобных вещах.

Я не хотел терять рассудок, не желал становиться марионеткой в чужих руках, не намеревался сгинуть в крематории клиники «Готлиб Бакхарт», а от одной лишь мысли, что мой мозг поместят в банку с формальдегидом и станут показывать студентам, и вовсе накатывало самое настоящее бешенство.

И двигаться меня заставило вовсе не стремление чего-либо добиться, а элементарное упрямство. Иногда достаточно и этого.

— Дьявол! — сказал я, поднимаясь с койки. — Дьявол завтра умрет...

Всю ночь я не сомкнул глаз.

И дело было вовсе не в опасении потерять решимость и вновь поддаться апатии, просто не мог заснуть. Не знаю, что именно служило причиной изматывающей бессонницы — воздействие на мозг электротерапии или наркотическая составляющая медикаментов, но с самого начала лечения заснуть удавалось исключительно на процедурах. Ночами я, скорее, забывался в беспокойной полудреме и потому безумно устал, но ничего поделать с этим не мог.

Так что в ту ночь я не спал и ощущал себя приговоренным к повешению преступником, который гадает, выдержит его вес веревка или порвется. И станут ли вешать счастливика второй раз — вот в чем был вопрос.

А утром лязгнув засов, распахнулась дверь, и в палату вошел рыжий Джек, на бугристом лице которого по обыкновению кривилась недобрая ухмылка. Люсьен втолкнул вслед за напарником каталку и уже ухватил меня за лодыжки, когда встрепенулся мой безумный сосед.

— Дьявол! — выкрикнул он и швырнул в рыжего санитаря подушкой. — Электричество — дьявол!

Джек поднял подушку, но не стал кидать ее обратно, а вместо этого подошел к умалишенному и крепкой затрешиной повалил его на койку.

Я приподнял голову и спросил Люсьена:

— Какое сегодня число?

— Двадцать пятое, — машинально ответил тот.

От своего напарника санитар отвел взгляд лишь на миг, но именно в этот момент Джек вдруг сипло выдохнул:

— Ах-х-х!

У рыжего не было ни единого шанса. Одержимый электрическим дьяволом псих выждал, пока санитар развернется, и накинулся на него со спины. Джек попытался высвободиться, но пациент мертвой хваткой вцепился в халат.

Раз! Раз! Раз! — лихорадочно быстро начал он бить в шею жертвы заточенной щепкой, и по камере разлетелись красные брызги.

Люсьен рванул на выручку напарнику, но проход был перегороден каталкой, и здоровяку пришлось протискиваться между ней и моей койкой. Я ухватил его за ворот и дернул на себя. От неожиданности санитар подался назад, и тогда я уверенно и жестко резанул его по горлу осколком божьего стекла.

Резанул лишь раз, но наверняка: сбоку от гортани, где и проходят основные кровеносные сосуды, вспоров сразу и кожу, и плоть. Из рассеченной артерии выплеснулась тугая алая струя.

Не теряя времени, я отбросил стекляшку и сдернул с потерявшего сознание санитаря расстегнутый халат. По белой ткани расплылись редкие красные пятна, но меня это

нисколько не расстроило.

Как нимало не взволновало двойное убийство. Просто не стоило загонять меня в угол, только и всего.

Натянув на себя халат, я спустился с койки и снял с пояса Люсьена связку ключей, а найденный в его кармане носовой платок повязал себе на голову, чтобы хоть как-то скрыть неровно остриженные волосы. Ботинки покойника оказались великоваты, но тратить время на их шнуровку не стал — пальцы правой руки толком не шевелились, в любом случае лишь потерял бы впустую время. А время было дорого.

Мой сокамерник продолжал иступленно бить обломившейся щепкой свою безжизненную жертву, я же ухватился за каталку, подтянулся и навалился на нее грудью, но даже так едва не сполз обратно на пол.

Собравшись с силами, я вытолкнул тележку в коридор, захлопнул за собой дверь и заковылял к выходу из подвала. Колени подгибались, а щиколоток и ступней я не чувствовал вовсе, и все же сумел разогнать каталку, не зацепив при этом ни каменных стен коридора, ни запертых дверей больничных палат.

Мерзкий скрип расшатанного колеса летел впереди меня и наждаком резал слух, но спина взмокла от пота, а сердце колотилось как сумасшедшее вовсе не из-за волнения, просто все силы уходили на поддержание заданного темпа.

Толчок. Толчок. Толчок.

Всю дорогу я полулежал на каталке и лишь на финишной прямой заставил себя выпрямиться, только опустил при этом голову, скрывая лицо.

Выглянувший на скрип колеса из своей каморки охранник поначалу ничего не заподозрил, упер руки в бока и приготовился отпустить колкость в адрес уже с самого утра замученного работой санитаря, а когда спохватился, было поздно. Прежде чем он успел замахнуться дубинкой, я направил на него каталку и припечатал к стене.

Сознания крепкий дядька не потерял, но сильный удар в живот заставил его согнуться и выронить оружие. Охранник быстро оттолкнул от себя каталку, распрямился и отлип от стены, да только к этому времени я уже упал на колени и схватил прорезиненную рукоять полицейской дубинки.

— Брось! — приказал дядька; вместо этого я ткнул его дубинкой в пах.

Щелкнул электрический разряд, глаза охранника закатились, и он сполз по стене на пол. Я заволок его в служебную каморку и, сдернув с головы платок, нацепил себе на голову серое кепи с эмблемой клиники. Тужурку брать не стал: халат санитаря скрывал мои голые ноги, а куртка была для этого слишком коротка.

Вернувшись в коридор, я закинул дубинку на каталку и покатил ее вверх по крутому пандусу, выбираясь из подвала. Но только отпер дверь и втолкнул тележку в широкий коридор первого этажа, как сразу послышался удивленный возглас.

— Куда?! — рявкнул охранник, которого не провел мой маскарад.

Он рванул рычаг тревожной сигнализации, раздался страшный трезвон. Я попытался повторить свой трюк и сбить парня с ног каталкой, но расстояние между нами было слишком велико, и охранник резким пинком оттолкнул от себя тележку, перевернув ее набок. Я повалился на пол следом, сразу взмахнул дубинкой, рассчитывая не столько зацепить противника, сколько отогнать, и вновь просчитался. Парень раскусил нехитрую уловку, выгадал момент и со всего маху врезал мне дубинкой по голове.

Удар пришелся по темечку, и сознание оставило меня еще раньше, чем затрещали

электрические разряды...

Очнулся я в карцере с полом и стенами, обитыми толстым слоем белого войлока. Попытался пошевелиться, не смог и насмерть перепугался, что паралич вернулся, лишь после осознав, что попросту затянут в смирительную рубашку. Все тело затекло, голова раскалывалась от боли, а правый глаз заплыл и не открывался, но тем не менее я был жив.

Удивительно? С учетом убитых при побеге санитаров — да.

В пересохшем рту стоял вкус крови, дьявольски хотелось пить. Пить и дышать. Набрать полную грудь воздуха никак не получалось: то ли были сломаны ребра, то ли слишком туго затянуты завязки смирительной рубахи.

И все же я ни о чем не жалел.

Ни о чем...

А потом запахнулась дверь, и в карцер вошли два незнакомых санитаров, у одного в руке была зажата электрическая дубинка, второй стискивал толстыми короткими пальцами стеклянный шприц.

Я попробовал подсесть ногой лодыжку парня с дубинкой, но тот легко уклонился и навалился сверху, прижимая к полу. Его напарник воспользовался шприцем, и белые стены немедленно закрутились, сливаясь в калейдоскоп безумных видений.

Резкие удары по почкам я почувствовал, уже проваливаясь в забытье.

— Сволочь! — выругался кто-то из санитаров, но могло и почудиться.

К этому времени вокруг меня уже раскинулась белая бездна, я парил в ней, парил и парил. Я стал центром мироздания. Был только я, все остальное потеряло всякое значение. Чертов морфий...

А потом меня потянуло куда-то вниз, и я рухнул к земле, словно повторяя свой давний прыжок из горящего дирижабля. Только теперь я несся, стремительно набирая скорость вплоть до самого конца, а удар оказался столь силен, что комья спекшейся земли разлетелись на сотни метров по выжженной огненным ливнем степи.

— Снова ты! — раздался безликий голос в моей голове.

Я неожиданно легко выбрался из огромной воронки, огляделся и увидел неподалеку знакомый белый силуэт.

— Как ты это делаешь? — последовал новый вопрос. — Как забираешься в мои сны?

— Это мой сон, — возразил я, с некоторой оторопью вступая в спор с собственным подсознанием.

— Вовсе нет, — возразил силуэт, повел бесплотной рукой, и в тот же миг сквозь корку спекшейся земли начала пробиваться молодая трава.

Не успел я и глазом моргнуть, как вокруг раскинулся зеленый луг.

— Это мой сон, — сказал силуэт, но я лишь покачал головой.

Трава почернела, цветы засохли, деревья зашуршали ломкими листьями.

Наступила ночь.

Теперь мы стояли в проклятом саду моего фамильного особняка, и единственным светлым пятном в округе был чуждый этому видению силуэт моего неведомого собеседника.

— Дьявольщина! — присвистнул он.

И столько прозвучало в его голосе удивления, что я не удержался и спросил:

— Кто ты?

— Сновидец, — последовал быстрый ответ. — А кто, черт побери, ты такой?

Я рассмеялся. Происходящее меня забавляло.

Морфий и воображение сиятельного — убойное сочетание.

— Хозяин этого сна, — ответил я, желая позлить собеседника.

— Нет! — отказался поверить тот в это заявление. — Я могу входить лишь в сны знакомых людей!

— Значит, мы знакомы, только и всего.

Силуэт ничего не ответил, прикоснулся к ветке мертвого дерева и черный лист в его пальцах моментально налился молодой зеленью.

— Знакомы? — медленно проговорил Сновидец. — Это невозможно. У меня не столь широкий круг общения, и я знаю все их кошмары наперечет.

Я оглядел воссозданный воображением сад и усмехнулся.

— А это не кошмар. Знаешь такое слово: «ностальгия»?

— Да, здесь слишком спокойно для кошмара, — признал силуэт. — И я больше не чувствую боли. Мне легко. Ничего не болит. Удивительно...

— Это все морфий, — сообщил я, наблюдая за тем, как в черном небе начинают расцветать всполохи далеких зарниц.

— Наркотики разрушают мозг, это чистое зло. Но иной раз боль бывает просто невыносима. Я буду иногда приходить в твои сны, хорошо?

— Приходить? — переспросил я, и вдруг ответы собеседника, будто кусочки мозаики, сложились в единое полотно. — Ты сиятельный?! — охнул я. — Ходить по сновидениям — твой талант?

— А ты догадлив! — рассмеялся Сновидец.

— Проклятье! — выдохнул я, не в силах поверить в собственную удачу, но прежде чем успел попросить об одолжении, на сад налетел стремительный вихрь. Он сорвал с деревьев черные листья, закрутил их вокруг меня ворохом электрических разрядов, и сон стал рассыпаться на отдельные куски.

— Нет, постой! — крикнул я, но меня уже вышвырнуло прочь.

Начался сеанс электротерапии.

По завершении процедуры и унижительного кормления бульоном через всунутый в пищевод шланг меня вернули в карцер. Просто зашвырнули с порога внутрь, наподдав напоследок коленом под зад.

Я так и остался валяться на обитом мягким войлоком полу. Меня ломало, во рту стоял горький привкус желчи. Взбешенный попыткой бегства профессор решил до предела увеличить длительность электротерапии, и это принесло свои плоды.

Мне было все равно. Не хотелось шевелиться, дышать, жить... Поэтому я просто лежал. Лежал и ждал вечера. Точнее — неизменного укола морфия.

Доза морфия была мне просто необходима.

И я ее получил.

Я стоял на вершине Кальварии и с высоты холма смотрел на незнакомый город.

Это не был Новый Вавилон, и за моей спиной не тянулась к небу ржавая железная башня. Три деревянных креста — вот и все, что было в этом сне. Неизменным остался лишь смог. Невысокие каменные дома тонули в сером мареве, будто в водах вышедшего из берегов Ярдена.

— Ты вернулся? — удивился Сновидец. — Уже?

— Как видишь.

— Хорошо. Жаль только, ты скоро умрешь.

Мне стало не по себе.

— Почему это? — возмутился я, хотя собирался спросить совсем о другом. — Почему я должен умереть?

— Сколько морфия ты принимаешь в день?

Я передернул плечами.

— Не важно! Можешь оказать мне одну услугу?

Белый силуэт встал рядом и взглянул на город. Полагаю, его взгляду открылась совсем иная картина. Порожденные наркотиком иллюзии крайне... изменчивы.

— Ты просишь об одолжении? Во сне?

— Да, прошу. Это странно?

— Необычно.

— Ты сможешь?

— Чего ты хочешь?

— Передать весточку одному моему знакомому, — пояснил я и с замиранием сердца уточнил: — Сделаешь?

— Ничего не выйдет, — покачал головой Сновидец. — Я не смогу попасть в сон человека, которого не знаю лично. Это невозможно.

— Дьявол! — выругался я. — Да забудь ты о снах! Просто пошли телеграмму! Я скоро рехнусь, если меня отсюда не вытащат!

— Откуда? — заинтересовался силуэт. — Откуда тебя нужно вытащить?

Я заколебался, но все же ответил:

— «Готлиб Бакхарт», тебе это о чем-нибудь говорит?

Сновидец рассмеялся.

— Психиатрическая клиника? Мне не доводилось слышать о тех, кто рехнулся в стенах этого заведения. Но ко многим возвращается рассудок именно там.

— Сделай это, — попросил я. — Сделай, и я заплачу. Назови свою цену!

До меня вновь донесся смех.

— Куда катится этот мир! Убийца-психопат предлагает мне деньги! Какая дьявольская ирония! Деньги — это последнее, в чем я нуждаюсь!

— Тогда я буду должен услугу.

На этот раз Сновидец не стал торопиться с ответом. Но в итоге лишь покачал головой.

— Увы, — проговорил он с нескрываемой печалью. — Я не способен помочь тебе. Я не могу проснуться. Сны не отпускают меня. Мы оба в ловушке, мой безумный друг.

— Тебе и необязательно просыпаться! Просто попроси кого-нибудь отправить телеграмму. Ты ведь Сновидец! Ты можешь зайти в чужой сон!

Силуэт человека медленно кивнул.

— Могу, — признал он. — И, если сделаю это, ты будешь должен мне услугу.

Я кинул взгляд на далекие всполохи молний и быстро сказал:

— Все что угодно!

— Все? Даже если придется кого-то убить?

Я заколебался, и Сновидец меня поторопил:

— Ну же! Решайся! Да или нет?

— Да, дьявол! — выкрикнул я. — Я убью, если понадобится! Убью!

— Поклянись!

Собеседник протянул мне свою светящуюся руку, я принял ее и сказал:

— Клянусь!

И сразу ощутил пронзившую сновидение дрожь.

— Ты не сможешь передумать.

— Проклятье! Я же поклялся!

— Ты поклялся, — подтвердил Сновидец и под гул налетевшего урагана спросил: —

Кого надо известить?

— Его зовут Рамон Миро, — ответил я и по памяти продиктовал адрес бывшего напарника. — Он получит пятьдесят тысяч, пусть только вытащит меня отсюда!

— Как тебя зовут?

— Лев. Скажи, это Лев!

С неба начали срываться ослепительные разряды молний, я выкрикнул:

— «Готлиб Бакхарт», Берлигер, карцер! — а потом земля ушла из-под ног, и началось бесконечное падение в бездну.

6

Полагаете, будто к безумию ведут отчаяние и безнадега? Отнюдь. Отчаяние приводит к отчаянным поступкам, а безнадега придает им суицидальный характер.

К безумию ведет неопределенность. Когда не остается ничего определенного, когда начинаешь сомневаться во всем, даже в собственном рассудке.

«Вел я беседы с настоящим Сновидцем или общался с собственной галлюцинацией?» — вот что занимало меня, когда после вечерней электротерапии меня вновь заперли в карцере.

Окончательно я свихнулся из-за убойных доз морфия или действительно заключил сделку с другим сиятельным? Этот вопрос все крутился и крутился в моей голове, а стоило лишь уверить себя в реальности произошедшего, и сомнения наваливались с новой силой. Они рушили сосредоточенность и толкали в пучину неуверенности. До безумия оставался один крохотный шаг.

Собравшись с силами, я поднялся на ноги и принялся вышагивать по упругому войлоку из одного угла карцера в другой. Перетянутое смирительной рубашкой тело затекло, рук я давно не чувствовал, и, сколько ни пытался расправить плечи, желая ослабить завязки, эти попытки ни к чему не привели. Разве что начала пробиваться через наркотическое оцепенение боль от свежих побоев и старых ран.

Очень скоро колени подкосились от усталости, и я повалился на войлок. Закрыв глаза и попытался уснуть, но не сумел даже задремать. Слишком сильно перекроили сознание эксперименты профессора Берлигера, слишком много и часто кололи последние дни морфий.

Кости крутило, суставы ломало, нестерпимо хотелось пить. Смирительная рубашка насквозь пропиталась соленым потом, дыхание стало прерывистым и неровным. И адски раскалывалась голова. Сейчас я легко отрекся бы от чего угодно за стакан воды и пару глотков опиумной настойки, но никто не собирался меня ни в чем убеждать.

Знаете, почему дьявол не покупает человеческие души? Да просто они, как перезрелые

яблоки, падают к его ногам! Мы сами — худшие враги самим себе, и самые лучшие искусители — тоже мы сами. Нет такой мерзости, которой человек не выдумал бы оправдания.

Чувствуя, как овладевает сознанием безумие, я перевалился на бок, уперся лбом в стену и поднялся на колени. Меня немедленно вырвало, ребра свело от боли, но зато слегка прояснилась голова. Я отодвинулся от забрызгавшей войлок рвоты и продолжил стоять на коленях. Просто стоял, не молился, нет.

Но не молился не оттого, что бесповоротно лишился веры; просто молиться надо по велению души, глупо просить о чуде в безвыходной ситуации. Чудес не бывает. Я знал это наверняка.

«Чудес не бывает», — так думал я, когда в коридоре послышались взволнованные голоса, а потом с лязгом распахнулась дверь карцера, и меня ослепил луч мощного электрического фонаря.

Но мнения своего я не переменял. Я не верил в чудеса. Я верил в сделки.

[Купить полную версию книги](#)